

Ева Нагу

Я

ОТВѢЗУ ТЕБЯ

ДОМОЙ

часть II

Ева Наду

**Я отвезу тебя домой. Книга
вторая. Часть вторая**

«Издательские решения»

Наду Е.

Я отвезу тебя домой. Книга вторая. Часть вторая / Е. Наду —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852146-1

Жизнь непредсказуема. Кем бы ты ни был: вернейшим ли слугой Короля или дочерью скромного провинциального графа, всегда есть вероятность, что жизнь твоя перевернется в одночасье и, чтобы выжить, понадобятся все твои силы, мужество и жизнелюбие. Так Клементина де Брассер, все детство проводшая в небольшом замке на берегу Гаронны, и доверенное лицо Короля-Солнца, граф де Мориньер, волею судьбы однажды оказываются в Новой Франции. Им приходится многое преодолеть, прежде чем они снова вернутся Домой.

ISBN 978-5-44-852146-1

© Наду Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. В доме	6
Глава 2. Ящик Пандоры	12
Глава 3. Меж миром и войной	16
Глава 4. Просто «здравствуй»	22
Глава 5. Лихорадка	27
Глава 6. Большой Сават	31
Глава 7. Бриан	38
Глава 8. Ужин с Обрэ	44
Глава 9. В новом доме	49
Глава 10. Охота	56
Глава 11. Меж тем в Квебеке	60
Глава 12. Беда	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Я отвезу тебя домой

Книга вторая. Часть вторая

Ева Наду

Иллюстратор Сергей Захаров

© Ева Наду, 2017

© Сергей Захаров, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2146-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. В доме

Жан-Батист Леру старался не думать о ней, как о женщине. Старался вообще как можно реже глядеть в её сторону. А она, как назло, всё вертелась неподалёку.

То, готовя обед, наклонялась к очагу, усаживалась перед огнём на корточки. И платье – это проклятое индейское платье! – так облепляло её зад, повторяло все изгибы её тела.

То бралась кормить девочку. Усаживалась вполоборота, прикрывала грудь, как умела. А он глаз не мог отвести от этой стеснённой её позы, от её профиля, склонённого к ребёнку.

Стискивал зубы. Выходил из дому. Возвращался, только промёрзнув до костей, когда весь организм, вместе с этим его беспокойным, живущим своей жизнью отростком между ног, съёживался, забывал обо всём, кроме необходимости восполнить тепло.

Она смотрела на него зверёнышем. Делала всё, что должна делать, – убирала, готовила обед – но не раскрывала лишнего рта. Старалась не встречаться с ним взглядом. И не расставалась с ножом.

Это, последнее, приводило его в неистовство.

Однажды – ещё и недели не прошло с тех пор, как она появилась в его доме, – он всё-таки сорвался.

Он просто проходил мимо. Направлялся в пристройку, собирался выбрать из поленицы дрова, подходящие для копчения мяса. На мгновение задержался позади неё, оглянулся – не сумел удержаться. Она сидела у очага. Сидела полубоком, опиралась на руку. Другой рукой методично, медленно – будто колдовала – помешивала в котелке похлёбку.

И эта линия – нога-бедро-спина – заворожила его.

Его бросило в жар. Он замер, задохнулся. И в этот момент она, почувствовав его взгляд, подобралась. Выпрямилась, освободила руку, положила её на рукоять ножа. Не оборачивалась, но он видел, что она забыла дышать. Всей спиной источала напряжение.

И он не выдержал. Вспыхнул, бросился к ней, схватил за шкирку, поднял на ноги, встряхнул. Выхватил из её руки нож, отшвырнул его в угол.

Заорал:

– Прекрати! Оставь эту чёртову железяку! Слышишь?! Если я решу тебя взять, никакой нож мне не помешает!

Она смотрела на него молча.

– Прекрати, – сказал он тише. – Или убирайся. Я тебя не держу!

Уже в пристройке шарахнул кулаком по перегородке, пробил в ней дыру. Прислонился к стене. Идиот. Что за идиот! Он хотел, чтобы она перестала его бояться. А вместо этого только ещё сильнее напугал её.

*

Ранним утром он отправился обследовать расставленные силки. А когда вернулся, не нашёл её в доме. Ни её, ни ребёнка.

Вновь бросился наружу.

Но проклятый снег, с самого утра сыпавшийся с неба, выровнял всё настолько, что ни о каких следах не могло быть и речи. Не осталось тропинок, ни единой шероховатости – огромное белое покрывало легло на землю.

Он вернулся в дом. И несколько долгих часов не находил себе места. Не мог думать, понять не мог, что делать и куда идти.

Всё было бессмысленно. Если она ушла, он не найдёт её – откуда ему знать, в какую сторону могла направиться эта полоумная?

Когда он услышал снаружи шаги, он распахнул дверь раньше, чем она успела коснуться дверной скобы.

– Где ты была, чёртова идиотка? – завопил он опять. – Чёрт тебя дери! Что за дурацкие выходы?

Она поставила на пол полную чёрных ягод корзинку.

– Что вы всё время орёте? Замолчите, – прошипела. – Вы разбудите Вик.

– Ты заставляешь меня орать, – сказал тише. – Ведёшь себя, как распоследняя дура.

Он помог ей снять люльку. Отнёс колыбель на лавку. Вернулся. Коснулся пальцами её лба, на котором отпечатался ремень.

– Тяжело её уже так носить?

– Нормально, – она отодвинулась едва заметно.

Он кивнул, убрал руку за спину.

– Прости. Я испугался, – произнёс примирительно.

– Чего?

– Что ты ушла.

Она вздохнула.

– Куда мне идти, – повела плечом. – Некуда.

– Ну и хорошо, – ответил. – Давай доживём до весны. А там я отведу тебя в Квебек, как обещал.

*

Они сидели потом у очага. Ели. Вылавливали по очереди куски мяса из котелка. Черпали деревянными ложками бобовый отвар. Молчали.

– Какая она была? – спросила вдруг Клементина.

Он вздрогнул.

– Кто?

– Ваша жена. Её звали Беатрис?

– Никакая. Я не хочу говорить о ней.

– Почему?

– Не хочу.

– Я похожа на неё?

– Нет.

Она смотрела на него, не отрываясь. Покачала головой укоризненно.

– Не лгите. Похожа, – сказала.

– Ну, похожа. Немного. Раньше я думал, что очень похожа. Теперь понимаю, что – нет. Если только самую малость. Отстань от меня, – вскипел вдруг. – Что тебе вдруг занудилось!

Она замолчала.

– Она умерла? – спросила.

Он швырнул ложку. Поднялся. Заходил по дому. Потом присел на корточки перед ней. Заглянул в лицо.

– На черта тебе знать? Да, она умерла! Умерла! Я убил её!

Она смотрела на него. Потом кивнула.

– Я знаю.

Он отшатнулся. Сощурил глаза.

– Откуда?

– Вы по ночам разговариваете.

Клементина поднялась. Направилась в свой угол. Взглянула на спящую Вик. Снова вернулась к нему.

– Я не Беатрис. Меня зовут Клементина. И я хочу, чтобы вы называли меня именно так. Не дура, не чёртова идиотка, а Клементина.

Он усмехнулся:

– Я помню. Или госпожа графиня.

Она засмеялась вдруг.

– Вы очень разозлили меня тогда.

*

Впервые после этого странного разговора он спал спокойно – как будто наконец отделил одну женщину от другой. И Беатрис потеряла над ним власть. Она не снилась ему в эту ночь. Не приходила, не смеялась над ним, не заставляла вновь и вновь себя душить.

И поутру он проснулся посвежевшим. Лежал какое-то время, слушал, как гостя его ходит по дому. Кормит дочь, о чём-то с ней говорит на непонятном ему, птичьим каком-то языке. Потом притворялся спящим – смотрел, смежив веки, как вешает она котелок над огнём, как стёсывает, срезает острым ножом с большого окорока куски, чтобы бросить их в воду.

Девочка ходила вокруг – неловко ступала, косолапила. То и дело теряла равновесие, плюхалась на плотно утрамбованный глиняный пол. Снова поднималась и продолжала своё путешествие. От матери – к столу, от стола – к лавке, от лавки – к табурету.

Женщина – он никак не мог научиться звать её по имени – оглядывалась, что-то щебетала-говорила девочке, снова возвращалась к делам. А он лежал. Удивлялся – как это? Утро наступило, а он всё валяется в постели, нежится, как когда-то, совсем давно, когда ещё он был молод и рассчитывал быть счастливым.

Потом потекли длинные дни.

Каждое утро он обходил ловушки и силки, расставленные им неподалёку от дома. Когда позволяла погода, отправлялся на охоту. Удача улыбалась ему совсем не так часто, как хотелось бы. Собственно, за всё время ему удалось принести в дом крупную добычу ещё только дважды. Один раз – молодого лося, потом – медведя.

Всякий раз, когда ему приходилось оставлять женщину с ребёнком одних, он почему-то страшно переживал. Женщина повадилась уходить из дома в лес – искала ягоды, выкапывала из-под неглубокого ещё снега какие-то корни, потом сушила всё добытое, толкла в ступе, смешивала, раскладывала по мешочкам. Он беспокоился, что однажды она заблудится или на неё нападёт рысь – он видел следы последней совсем недалеко от их дома. Но убедить упрямую бабу не выходить без него не смог.

Отношения их по-прежнему были непростыми. Они мало говорили друг с другом. Занимались каждый своим делом. Она готовила, возилась с ребёнком, шила. Он – охотился.

Когда ему удавалось принести домой добычу, она помогала ему свежевать тушки и коптить мясо. Поначалу он боялся доверить ей это занятие. Стоял рядом, готовился помочь. Но с мелким зверьём – он понял это быстро – она справлялась прекрасно. Гнала его от себя. Шипела:

– Не стойте, ради бога, над душой.

И он соглашался, оставлял ей зайца или куропатку. Сам отправлялся заниматься другими делами.

В те же дни, когда ему удавалось добыть дичь покрупнее, они трудились вместе, бок о бок. И он, наблюдая со стороны, как ловко орудует она топориком, как разделявает части туши, как раскладывает подготовленные для копчения куски на специальный помост, он не мог не признать, что ошибался на её счёт.

Она оказалась гораздо более приспособлена к жизни в лесу, чем он мог предположить. Ему следовало понимать это и раньше. Но внешнее сходство этой женщины с его женой застило ему разум. Он перенёс на неё всё, что знал о своей жене. А та умела хорошо делать только одно – раздвигать ноги. Всё прочее было для неё слишком тяжело.

*

Однажды, вернувшись домой с очередной охоты, Жан-Батист обнаружил, что Клементина отделила свой угол от остального пространства найденным ею в пристройке запасным меховым одеялом. Одеяло было недостаточно велико, но, так или иначе, оно создавало иллюзию отдельного помещения.

Он не стал возражать. Больше того, он вздохнул свободнее. Удивился: как это ему самому не пришло в голову?

Спросил только зачем-то:

– Ты ведь не считаешь, что я стану стучаться перед тем, как заглянуть в твой уголок?

– Я рассчитываю, – отозвалась она из-за одеяла холодно, – что вы вообще не станете сюда заглядывать. Здесь вам делать совершенно нечего.

– Посмотрим, – недовольный собой ответил он угрюмо.

Он не собирался её дразнить. Это выходило как-то само собой.

*

А зима наконец набралась сил и заморозила всё округ. Засыпала снегом землю, заледенила до хрустального звона ветви деревьев. Даже солнце, кажется, заморозила. Оно больше не раскалялось, не делалось золотым и жарким, как в иные времена. А целыми днями, когда случалось ему показаться на глаза людям, оставалось розовым, едва греющим, рассветным.

Клементина обожала такие дни. Каждое утро – если накануне не случалось снегопада или проснувшийся раньше неё Жан-Батист уже успевал расчистить выход из дома – она выскальзывала наружу, задирала голову, высматривала меж густыми сосновыми кронами кусочек неба.

Едва обнаружив прозрачное, чуть розоватое зимнее небо над головой и сиреневые тени от деревьев на снегу, собирала Вик, усаживала её на индейский манер на спину, привязывала покрепче и шла вглубь леса.

Собирала всё, что ещё можно было собрать. С каждым днём это становилось делом всё более трудным. Животные, страдающие от холода и голода ничуть не меньше людей, объедали всё, до чего дотягивались – выкапывали из-под снега мох, обгладывали кору, съедали чудом

сохранившиеся плоды на деревьях. Клементина радовалась, как дитя, когда ей удавалось обнаружить целыми ягоды на кустах и деревьях. Однажды наткнулась на группку чахлых диких яблонь, к ветвям которых жались, скукожившиеся и потемневшие от мороза, яблоки. С десятка – не более.

Она рвала их дрожащими руками. Благодарила Бога и оленей с птицами за то, что сохранили их для неё.

Яблоки издавали отчётливый винный запах. И всё-таки она была счастлива.

В другие дни, когда отходить от дома далеко было небезопасно, Клементина шла к реке. До той было рукой подать – чуть больше четверти часа летом. И около получаса – теперь, зимой.

Там, у самой реки, росли ивы. Чуть дальше, на самом краю лиственной чащи, среди клёнов встречались вязы.

Клементина нарезала ветки, обдирала кору. Приносила всё это в дом. Кору вязов и ив сушила – отвар из неё был прекрасным средством от лихорадки. Из веток плела корзины. Они получались поначалу смешными, кособокими. Обнаружив её впервые за этим занятием, старик Леру не сумел удержаться от смеха. Впрочем, она не особенно обращала на его насмешки внимания. Огрызнулась привычно. Поймала его улыбку. Дёрнула плечом. Продолжила делать то, что считала нужным.

Он наблюдал за ней вечер. На второй – подошёл, отобрал у неё ветки. Разулся. Уселся рядом. Взялся плести днище. Она смотрела изумлённо, как ловко управлялся он с непослушной лозой. Прижимал ногой, удерживал, придавливал культей. Здоровой рукой быстро – она и заметить не успевала, как он это делал, – переплетал прутья. Закончив днище, передал его Клементине.

– Нарезь лозу одного размера. Я покажу, что делать дальше.

Эта корзина стала первой – достаточно ровной для того, чтобы не вызывать усмешки.

*

Жан-Батист Леру вспоминал этот вечер долго. Улыбался внутрь себя.

Она наконец перестала сторониться его. Впервые за все эти недели их «совместной жизни» посмотрела ему в глаза. Смотрела долго, чуть склонив голову набок, – как смотрят собаки и сороки. Потом качнула головой, улыбнулась:

– Как здорово у вас это получается!

Ему было приятно, безусловно. Но он, корявый, не смог ответить так же легко. Буркнул что-то, спросил, скоро ли они будут есть. Он не был голоден. Но от этой перемены в ней чувствовал себя одновременно счастливо и неловко.

Жизнь их наладилась более или менее. И он вспоминал теперь своё недовольство её появлением в его жизни с усмешкой. Каким дураком он был! И чего он боялся? Вдвоём... ну, втроём... жить гораздо лучше, чем одному. И дело не только в том, что с женщиной дом становится уютнее. И совсем не в том удовольствии, которое она может дать. За то время, что они прожили вместе, он ни разу не нарушил данного ей слова – не трогать её без её согласия. И гордился этим больше, чем всем прочим, потому что точно знал, чего это ему стоило. Главное было в другом. С появлением этой женщины с ребёнком в жизни его появился смысл. Он не сразу осознал эту перемену.

Случилось это в один из не самых лучших дней.

Он вернулся домой с охоты. Вернулся с пустыми руками. Даже самый маленький заяц-задохлик не попался в его силки. Ни тени животного не увидел он за все те три дня, что бродил по лесу, ни единого следа, могущего привести его к зверю. Ничего. И дома его ждало непонятное – плачущая женщина, держащая на руках покрасневшего от рыданий ребёнка.

Именно в этот момент – вот странно! – он понял, что в них, истерзанных неизвестными ему пока страданиями, и есть теперешний смысл его жизни.

Он подошёл. Присел напротив. Спросил:

– Ну. В чём дело?

Клементина долго пыталась успокоиться – шмыгала носом, задыхалась. Никак не могла начать говорить. А он удивлялся, что эти истерические всхлипывания не раздражают его, как раздражали раньше – в той, прежней его жизни. Он даже впервые взял на руки её ребёнка – обхватил рукой, усадил на сгиб локтя. Понял, что замкнутые друг на друге эти две никогда не утихнут. Девочка в самом деле замолчала почти сразу. Засунула пальцы в рот, другой рукой принялась усиленно дёргать его за волосы. Он терпел. Думал: лишь бы не ревела.

Наконец и Клементина справилась с дыханием. Прошептала:

– Я не могу накормить её.

– Почему?

– У меня... – она покраснела, опустила взгляд. – У меня пропало молоко. Почти совсем.

Он остановился напротив.

– А то, что едим мы, она есть не может?

– Я пыталась накормить. Она не ест. Я давала ей бобовый отвар – у неё болит живот. Мясом она давится.

– Маис?

– Я заварила пшеничной муки. Она поела немного. Но муки осталось так мало! – Клементина взялась вытирать тыльной стороной ладони вновь полившиеся слёзы.

Он поморщился.

– Чем вообще кормят детей в её возрасте? – спросил, чтобы не позволить ей снова рыдаться.

– Молоком.

– Кроме.

Он удивлялся своему терпению.

– Я не знаю. У нас у всех были кормилицы.

– Ах да, – съязвил он. – Откуда госпоже графине знать такие мелочи.

Она промолчала. Взглянула на него так, что ему стало стыдно.

– Ладно. Забудь.

Он присел к очагу, уложил ребёнка на колени, прижал её к себе здоровой рукой. Та пригrelась, уюстилась как-то, придремала. Он заглянул в котелок, стоявший у очага.

– Собери мне на завтра еды в дорогу, – сказал.

– Но вы только пришли.

Он посмотрел на неё.

– А с утра снова уйду.

Едва занялась заря, он, в самом деле, ушёл. Потоптался на пороге, повернулся к ней напоследок.

– Продержитесь тут как-нибудь, пока меня не будет. И не паникуй. Ты пугаешь ребёнка и пугаешь себя.

Она кивнула.

Глава 2. Ящик Пандоры

В городе зима, без сомнения, была не такой суровой, как за его пределами.

Филипп сумел убедиться в этом, пока брёл по берегу, возвращаясь в Квебек из форта Бопре, расположенного у северной оконечности острова Орлеан. И идти-то было – чуть. К вечеру они – он, кроткий священник и дюжина квебекских солдат – рассчитывали добраться до города. Если, разумеется, не случится ничего непредвиденного,

Но он устал, замёрз. И был расстроен.

Оттого, двигаясь во главе отряда, всё больше молчал. Думал о том, что произошло и чего теперь следовало опасаться.

Они отправились на Орлеан, чтобы удостовериться в гибели первого на острове французского поселения.

Три десятка французов – главным образом из Нормандии и Пуату – летом прошлого года выстроили там свои дома. И спустя несколько месяцев почти все были вырезаны ирокезами. В живых остались трое мужчин и двое детей.

Первые в страшный час охотились в глубине острова. Вторые, услышав крики, спрятались в пустой бочке из-под растительного масла. И ирокезы не нашли их. Они и не искали, впрочем. Напали посреди дня на селение, скальпировали всех, кто попался под руку, подожгли дома и ушли.

Оставшиеся в живых теперь плелись где-то в хвосте отряда. Мужчины несли детей – мальчика и девочку. Дети уже не плакали – только едва слышно поскуливали на руках у взрослых.

Филипп отправился в этот поход вопреки уговорам всех высших чинов Квебека и даже вопреки самой целесообразности. Без сомнения, в его присутствии на месте сгоревшей деревни не было никакой необходимости. Но он не мог больше отсиживаться в тепле. Он пошёл с солдатами, оставил город, вырвался из его стен, как из капкана.

К тому времени, когда информация о нападении ирокезов на селение французов дошла до Квебека, всё было уже кончено. И военный отряд, выступивший в дорогу в тот час, когда до города дошла весть о страшном побоище, произошедшем на острове Орлеан, направлялся туда не столько, чтобы оказать помощь живым, сколько для того, чтобы похоронить мёртвых. Выживших решено было забрать в город. Губернатор обещал предоставить им кров на время зимы и позаботиться о детях, оставшихся сиротами.

Завершив погребение, они двинулись в обратный путь. Шли медленно – беспокоились о спасшихся. Понимали: если им, квебекцам, никогда не знавшим погибших, сейчас непросто, то что должны чувствовать те, кто потерял в этой бойне близких!

*

И Филипп шёл. Механически переставлял ноги, думал: вероятность такого развития событий они уже не раз обсуждали с Мориньером. Именно этого, он понимал теперь, и опасался его друг, когда речь заходила о великой и неуёмной гордости французов и их уверенности в том, что всего можно добиться силой. Надо сказать, что и он, Филипп, совсем недавно думал так же. Да и сейчас, хотя последние события вселили в него нешуточные сомнения, он

находил такой своей позиции превосходное объяснение: «Он – военный. И не имеет права думать иначе».

До последнего времени он искренне считал, что беспокойство Мориньера преувеличено.

– Почему вы так несправедливы к французам? – восклицал, возмущённый снисходительным молчанием Мориньера, которым тот встречал каждое из его, Филиппа, патриотических высказываний на тему неукротимого героизма французских солдат. – Почему вы так мало верите в их доблесть? В их мужество, их готовность воевать во имя величия Франции? Я воевал полжизни! И я верю в силу французской армии!

Мориньер смотрел на него устало. Прикрывал глаза, поводил плечами, качал головой.

– Вы, Филипп, – говорил мягко, – полжизни воевали против регулярных армий. Вы изучали их способы ведения войны, вы знали, как рассуждают их военачальники и с каким оружием пойдут на вас их солдаты. Но вы понятия не имеете о том, что это такое – воевать с индейцами. И я не хотел бы, чтобы однажды вы это узнали.

– Ха! – Филиппу казалось тогда, что Мориньер говорит совершеннейшую ерунду. – Разве мы не воюем уже с теми же ирокезами? Разве не слышим изо дня в день о столкновениях между индейцами и белыми? Разве не хороним то и дело своих убитых?

– Нет. – Мориньер был категоричен. – Нет, это не война. Это только напоминание нам, белым, о том, что земля эта не наша. Если начнётся война, у вас не останется на этот счёт никаких сомнений.

Филипп вспоминал, как однажды, выведенный из себя этой непоколебимой уверенностью Мориньера в своей правоте, он заговорил пылко, вскинулся возмущённо. Что он тогда наговорил, он сейчас помнил не слишком хорошо. Зато превосходно помнил реакцию друга. Тот выслушал его спокойно.

Не перебивал. Не пытался остановить. Только когда он, Филипп, сам иссяк, замолчал, замер опустошённый, Мориньер усмехнулся:

– Вы глупец, Филипп. Вы знаете меня бог знает сколько времени и теперь едва удержались от того, чтобы обвинить меня в трусости.

Он, Филипп, тогда запротестовал. Он и не думал говорить о трусости!

– Как я мог бы?! – восклицал он горячо.

Хотя понимал, – в глубине души, безусловно, понимал, – что вся его страстная речь основывалась именно на этом: он обвинял друга не в трусости, нет, но в неверии. В условиях войны, даже её тогдашнего преддверия, это было практически одно и то же.

Мориньер дослушал его до конца – все его обвинения, объяснения, оправдания. Сказал:

– Можно воевать против армии. И победить её. Можно захватить город, сменить одну власть на другую, и город продолжит жить своей обычной жизнью, если вы не разрушите самую его суть. Город смирится с переменой правителя, приноровится к новым законам. И продолжит жить. Но народ, чьей главной святыней является земля, на которой он живёт, победить нельзя. Ирокезы, – как вы называете их вслед за алгонкинами, – никогда не уйдут со своей земли. Их можно убить. Всех до одного. Можно. Но прогнать – нет. Прогнать не получится. К тому же, так активно ратуя за войну, вы упускаете из виду теперь сущую мелочь. Если мы начнём боевые действия, нашим противником будут не только... и не в первую очередь могавки. Начав войну с могавками, мы спровоцируем Лигу выступить против нас. А Союз Пяти племён – огромная военная сила. Их много и, если теперь, не имея достаточных сил, мы ввяжемся в драку, они не упустят возможности вышвырнуть нас, французов, с этой земли. Я уже молчу об англича-

нах. Они оказались умнее, прозорливее нас. Они заключили с сенеками союз. Возможно, они и сами не понимают, насколько удачную сделку заключили – хотя я не стал бы на это рассчитывать. Но вы должны понимать. Как минимум, если вы не знаете этого сами, поверьте мне. Я – знаю. Ирокез никогда не пойдёт против своего слова. Договор для каждого из них – дело святое. А это означает, что у нас есть только один шанс – попытаться договориться с могавками. Заключить с ними мирный договор. На любых условиях. Возможно, тогда мы сумеем вбить клин между племенами ирокезов. Хотя бы немного расшатать эту структуру – гениальную военную структуру. Этот их Союз племён. Если нам удастся удержаться теперь от войны, – или остановить её, если она начнётся, – у нас появится шанс сохранить за собой эти земли и, возможно, в будущем присоединить к ним новые. Если же мы восстановим против себя ходеносауни, мы потеряем всё. Против нас поднимется такая махина, силу которой вы себе сейчас и представить не можете. И вопрос не в том, готовы вы умереть во имя Франции именно здесь или нет. Идти на ирокезов с оружием – значит начать битву на уничтожение. На уничтожение своего собственного народа. Если вы готовы взять на себя ответственность за гибель французов, – не только и не столько солдат, умеющих и готовых воевать, но женщин, детей и стариков, которые теперь живут на этой земле, – вы можете ратовать за войну с ирокезами. В ином случае лучше договаривайтесь.

Он помолчал некоторое время. Казалось, он устал убеждать. Потом всё-таки продолжил:

– Против ирокезов и англичан одновременно нам сейчас не выстоять, даже если Людовик завтра направит сюда армию. А он не сделает этого. У него пока нет такой армии. И денег на то, чтобы поддерживать эти земли – нет. Посмотрите уже правде в глаза, Филипп. Вы же взрослый человек.

Он, Филипп, не понимал тогда до конца и не принимал того, что пытался донести до него Мориньер. Однако теперь он с неохотой признавал, что друг его был во многом прав. И тогда прав и потом – когда, выслушав рассказ Филиппа об одной из первых битв наступившей зимы, закончившейся победой французов, сощурившись, сказал:

– Идиот этот ваш Баранж.

А Баранж ходил по городу героем: выпячивал грудь, надменно поглядывал по сторонам.

И горожане в большинстве своём приветствовали его, как победителя. Ещё бы! Он со своими солдатами – а было их всего-ничего, чуть меньше дюжины, – уничтожил целую деревню ирокезов! Возвращался в город из далёкого форта, по случайности наткнулся на небольшую деревушку. Не деревушку даже... так... кратковременную стоянку ирокезов. Напал на неё, перебил всех, кто пережидал бурю в наскоро выстроенных домах. Говоря откровенно, доблесть то была невеликая. В деревушке в этот момент оставались, в основном, женщины и дети. Большинство сильных и боеспособных мужчин ушли вперёд, чтобы выбрать место для зимовки и выстроить первые дома.

Филипп осознавал сомнительность этой победы французов, но надеялся, что «героизм» Баранжа скоро забудется, нелепые страсти утихнут, и жизнь продолжит течь – по-зимнему спокойная и сонная.

Только Мориньер качал головой:

– Ящик Пандоры открыт. Теперь надо готовиться к полномасштабной войне.

*

Вспоминая тот разговор, Филипп огорчился теперь не только гибелью «островитян». Она была страшной и бессмысленной. Но на войне как на войне. Он воевал и знает: когда сталки-

ваются армии, наравне с военными, гибнут и мирные жители. Всегда. На любой войне. При любом раскладе.

Расстроен он был тем, что в очередной раз убедился, насколько прав был Мориньер, утверждавший: мирные дни закончились.

Действительно, именно с той самой бойни, устроенной Баранжем, на земли, занятые французами, пришла настоящая, лютая, беспощадная война. Зима – с военной точки зрения обычно самое тихое, спокойное время года, когда и белые, и индейцы, соблюдали вынужденное перемирие, – обрушила на головы французов полчища ирокезов. Старожилы утверждали: эта зима стала самой кровавой за всё время существования колонии.

Не проходило и недели, чтобы в город не приносили весть об очередном нападении ирокезов на французских поселенцев. Кровь лилась рекой. Французы тоже не готовы были ждать, когда их всех перережут, как баранов. Они собирались в отряды, укрепляли свои селения, устанавливали дежурства. Сговорившись, отправлялись воевать на территорию ирокезов. Многие оставались на чужой земле навсегда.

Глава 3. Меж миром и войной

С некоторых пор ни один Большой Совет, регулярно собиравшийся в замке Святого Людовика, не проходил спокойно. Как и следовало ожидать, члены Совета разделились на два враждующих лагеря. Одни выступали за войну до победы, другие призывали к сдержанности и надеялись на то, что однажды появится человек, который сумеет найти выход из положения и заключить мир.

Филипп, который долгое время не мог прийти к согласию с собой, в спорах участия не принимал. Всё никак не мог примирить воина внутри себя с миролюбцем. Оттого больше слушал, чем говорил. А послушать было что.

Практически на каждом заседании нынешний военный губернатор сталкивался в спорах с военным губернатором бывшим, сохранившим за собой место в Совете. Первый был ярким противником всякого миндальничания с ирокезами, второй выступал за скорейшее заключение мирного договора. Споры их довольно скоро перерастали в оскорбительные выпады. И Филипп, для которого подобный уровень «дипломатии» был непривычен, только пожимал плечами, наблюдая за беседами этих двух.

– Вы сами не знаете, о чём говорите? – кричал молодой Клод де Жерве.

И громко стучал кулаком по столу.

– Как вообще вы могли быть военным губернатором, когда кровь нагоняет на вас такой страх?

– Вы безмозглый упрямец, Клод де Жерве, – кричал в ответ, багровея от напряжения, бывший военный губернатор, пожилой Антуан Вассера – лысоватый, добродушного вида мужчина.

Нападки молодого де Жерве выводили его из себя. И со стороны казалось, что старика вот-вот хватит апоплексический удар – так сильно он краснел всякий раз и начинал задыхаться от переполнявшего его возмущения.

Вот и в тот день они сошлись в словесном поединке.

Клод в очередной раз упрекнул Вассера в трусости, тот не остался в долгу, воскликнул:

– Как можно такому глупцу доверять жизнь всей колонии! Подумать только! Знаний, ума – ноль, зато амбиции!...

Он взмахнул руками, как крыльями, растопырил пальцы.

– Если никто не способен разрешить этот вопрос, я напишу его величеству обо всём. Пусть государь вмешается! Его величеству следует знать о том, что нынешний военный губернатор Квебека не соответствует занимаемой им должности! И ради своих амбиций готов погубить всё дело.

Он не заметил бы допущенной бестактности, если бы все члены Совета не обернулись в этот момент в сторону Филиппа де Грасьен.

И тот просто вынужден был отреагировать. Он приподнялся, взглянул на старика.

– Вы настаиваете на том, чтобы ваши с господином де Жерве внутренние разногласия были непременно доведены до сведения его величества?

Вассера смешался. Закусил губу. Сложил руки, сел. Молчал какое-то время – собирался с силами. Потом выдал всё-таки:

– Да. Я настаиваю.

Филипп кивнул – что ж.

– Хорошо, – ответил. – Его величество узнает и ваше мнение, и мнение ваших оппонентов.

«Оппоненты» со злорадством уставились на старика Вассера. Они были уверены, что их позиция будет поддержана его величеством. Разве могло быть по-другому?

Оттого они и были так удивлены, когда заговорил Филипп.

*

Так вышло, что он, Филипп, ввязался-таки в этот спор. И вынужден был озвучить свою позицию – ту, которая и в нём самом-то ещё не вызрела, не сформировалась окончательно. Решать и формулировать её Филиппу пришлось на ходу.

Говорил он медленно. Со стороны казалось – важно и весомо. Делал паузы.

Во время одной из таких пауз подошёл к окну, приоткрыл его пошире – захотелось вдохнуть чистого, морозного воздуха. Выглянул наружу. Под самыми окнами, в укрытом снегом саду, гуляли дети. Он засмотрелся на неуклюжие, одетые в шубы на вырост, укутанные в шерстяные платки, детские фигурки, заслушался звонкими голосами. Вспомнил: «Если вы готовы взять на себя ответственность за гибель женщин, детей и стариков, которые теперь живут на этой земле, вы можете смело выступать за войну с ирокезами. Если нет – договаривайтесь».

Дети играли в догонялки. Бегали неловко, то и дело проваливались, тонули в сугробах. Один из мальчишек лет трёх-четырёх зацепился ногой за торчавшую из-под снега ветку, упал, ткнулся лицом в ледяную корку и зарыдал в голос.

Именно в этот момент маятник внутри Филиппа качнулся в сторону мира. Именно в этот момент он подумал: следует довериться мнению Мориньера. Тот так редко ошибается. В конце концов, если политика пряника не принесёт нужных результатов, всегда можно вернуться на прежние позиции.

Доведя себя до этой последней успокоительной мысли, он снова заговорил.

– Защищать интересы своего Короля и своей страны – не значит бессмысленно размахивать шпагой и горланить: «Франция, вперёд!» – произнёс, обращаясь к членам Совета. – Франции нужны земли. Не трупы, не реками льющаяся кровь. А земли. Земли, на которых можно будет жить, а не только умирать. Его величество ожидает, что мы, именно мы с вами, обеспечим процветание французов на этой земле. Чтобы добиться этого, нужно быть не только воинами, но и дипломатами. Дипломатами – в первую очередь.

Он обвёл взглядом сидевших за столом. Тишина, повисшая в комнате, со всей очевидностью демонстрировала степень всеобщего удивления. Клод де Жерве перестал стучать пальцами по столешнице, уставился на Филиппа в онемении. Вассера откинулся на спинку стула. Смотрел со смесью изумления и благодарности.

Все прочие тоже выглядели ошеломлёнными.

Одни торжествовали, обнаружив неожиданно в своих рядах такую важную птицу – королевского посланника, другие старались скрыть замешательство. Но молчали все. Не находили слов.

Договорив, Филипп не стал дожидаться очевидно запаздывавшей их реакции. Как и не стал дожидаться окончания Совета. Поблагодарил за внимание, откланялся. Когда он был уже внизу и готовился выйти на улицу, его окликнул монсеньор де Лаваль.

Прелат вышел из зала заседаний вслед за графом де Грасьен и теперь стоял на площадке верхнего этажа, глядел вниз. Удостоверившись, что граф услышал его призыв и остановился, епископ заскользил ладонью по гладким перилам, почти бегом спустился по лестнице. Подошёл к Филиппу, взглянул на него с интересом.

– Устал я что-то от этих крикунов, – сказал. – Вы собираетесь домой, господин де Грасьен?

Филипп кивнул:

– Да, ваше преосвященство.

Монсеньор де Лаваль поблагодарил слугу, распахнувшего перед ними двери. Шагнул наружу, спустился по ступеням на мостовую.

– Я давно хотел пообщаться с вами в неформальной обстановке. Быть может, вы согласитесь отужинать в моём доме?

Улыбнулся вдруг озорно.

– До начала Великого поста мы можем позволить себе кое-какие излишества, не так ли?

*

Филипп чувствовал себя утомлённым и желал побыть в одиночестве. Но отказать главе Церкви не решился. Да и возможности такой у него практически не оказалось – едва они ступили на мостовую, как подали экипаж епископа. И монсеньор де Лаваль, улыбнувшись, повёл рукой в сторону распахнутой форейтором двери.

Филипп шагнул в глубину кареты, опустился на сиденье. Взглянул на устроившегося напротив прелата – тот продолжал улыбаться едва заметно. Улыбка таилась во взгляде, в чуть заметном изгибе тонких губ. «В такие моменты кажется, – подумал Филипп, – нет на свете человека более тихого и успокоенного». Однако он видел монсеньора де Лавалья и другим: жёстким, холодным, неумолимым. Тогда в глубине глаз прелата вспыхивал инквизиторский огонь. И невозможно было ни обмануть его, ни противостоять его воле.

*

Пока карета двигалась по узким улицам, Филипп де Грасьен пытался понять: зачем сегодня он вдруг понадобился его преосвященству? За всё то время, что он, Филипп, жил в Квебеке, они встречались на заседаниях Совета, на вечеринках и балах. Время от времени обменивались с епископом парой-другой фраз. Но между ними не было какой-либо особой дружеской расположенности, оттого до сих пор они ограничивались встречами на людях. Только дела – ничего личного.

И теперь, сидя напротив его преосвященства, Филипп думал: связано ли это сегодняшнее приглашение с его речью в Совете? Или есть что-то ещё, что монсеньор де Лаваль хотел бы вызвать у него или рассказать ему?

Он продолжал думать об этом и тогда, когда они шли по длинной анфиладе комнат – до кабинета его преосвященства. Там, в кабинете, предложив Филиппу присесть и распорядившись насчёт ужина, прелат улыбнулся и произнёс:

– Не ломайте голову, господин де Грасьен. Я пригласил вас более для удовольствия, нежели для того, чтобы обсудить какие-либо важные дела. Хотя, признаюсь, ваше выступление возбудило во мне любопытство и добавило желания поговорить с вами и об этом тоже. Что – высказанная вами позиция – это и позиция его величества? Или вы говорили сегодня от своего имени?

Филипп ответил уклончиво:

– Его величество интересуется результат – укрепление французского влияния на этой земле.

*

Филипп верил в это частично. Понимал: Людовика проще порадовать выигранной битвой, чем удачно заключённым с индейцами миром.

Неуспех развития колоний жители метрополии объясняли преступным бездействием её руководства. Полагали, что достаточно желания и доблести, чтобы жизнь и счастье в Новой Франции расцвели пышным цветом.

Потому он ответил и отвёл взгляд. Сделал вид, что рассматривает книги на полках, расположенных по правую от него руку. Вспоминал горячий свой спор с Мориньером, в котором тот впервые резко высказался против войны с ирокезами.

– Сейчас об этом и думать нельзя, – сказал Мориньер. – Глупо развязывать битву, когда нет ни единого шанса выйти из неё победителем!

– Но вы должны понимать, – возразил ему тогда Филипп, – что, высказавшись таким образом, вы выступите против чаяний Людовика. Вы должны знать, что ваш драгоценный отец Лалеман, пользующийся немалым доверием короля, уже обещал государю продолжать войну с англичанами и препятствовать всеми силами развитию английских колоний, несмотря на то даже, что Франция в данный момент официально не воюет с Англией. И это обещание было встречено его величеством с восторгом.

– Я знаю, – кивнул Мориньер. – Но что значит – продолжать войну? Какими силами? С какими результатами? Обещать подобное – значит не обещать ровным счётом ничего. Осыпать его величество клятвами и посулами – не значит исполнить их. Однажды каждому из нас придётся отвечать за свои слова. И отцу Лалеману – в том числе.

Мориньер говорил и говорил, приводил примеры, сбивал Филиппа с толку цитатами, забрасывал цифрами. Филипп же думал только об одном: будет очень трудно убедить его величество, что в данном случае не начинать войны – есть лучший способ одержать победу.

Людовик пылал нетерпением. Он мечтал о славе. И рассчитывал на то, что его доблестные французы проявят себя героями.

Тогда, дослушав Мориньера, Филипп спросил:

– Неужели вы осмелитесь написать всё это его величеству?

Тот взглянул на него удивлённо:

– Разумеется. Неужели вы бы не осмелились?

*

Кажется, и епископа теперь интересовал этот же вопрос.

Монсеньор де Лаваль смотрел на Филиппа внимательно.

– Вы в самом деле готовы защищать эту точку зрения перед нашим королём? – спросил мягко. – И вы уверены, что его величество одобрит заключение мира с ирокезами, если такого нам удастся добиться?

Филипп посмотрел в глаза епископу. Решил быть честным.

– Нет, – ответил. – Не уверен. Но довести информацию о необходимости этого до его величества готов.

Произнеся последнее, он нахмурился едва заметно.

Филипп чувствовал себя ненадёжно – как если бы шагал теперь по морскому берегу, по зыбкому, насыщенному водой песку. Остановись только – и песок затянет тебя вовнутрь, поглотит – не из злобы, а из одной своей природы.

Он по-прежнему не был до конца убеждён в правильности выбранного решения. И понимал, что, предпочитая теперь одну точку зрения другой, выбирает не только между войной и миром, но между королём и другом. И это, второе, было для него мучительнее и... важнее первого. Не будь здесь Мориньера, не окажись тот в непростом, больше того, опасном положении человека, попавшего в опалу, не настаивай тот теперь на непременно заключении мира с ирокезами... Не объяви Мориньер о своём безоговорочном стремлении идти в этом решении до конца и столь же безоговорочном намерении поставить его величество об этом в известность, Филипп предпочёл бы скорее броситься в битву и умереть, нежели противиться королевским ожиданиям.

Но сделав выбор, он больше не колебался:

– Когда придёт время говорить с его величеством, я сделаю всё от меня зависящее, – повторил он, понимая, что пауза затянулась.

Прелат кивнул, устало прикрыл глаза:

– Простите. Я обещал вам приятный вечер, а сам между тем не даю вам ни малейшей возможности отвлечься от проблем.

Филипп улыбнулся – принял извинения. Заговорил о холодной зиме, вспомнил пару забавных историй, пересказанных ему камердинером. Епископ ответил ему не слишком весёлым анекдотом из жизни мальчиков-певчих, коснулся приближающегося поста.

Они безуспешно пытались сменить тему. Но разговор так или иначе сворачивал в прежнее русло. Наконец, оба смирились.

Продолжили говорить за ужином. Ели медленно. Переговаривались, перебрасывались репликами. Не спорили – спорить было не о чем. Выстраивали беседу: обменивались взглядами, определяли позиции. Потом – уже за десертом – смолкли. Какое-то время устало ковыряли ложками в вазочках, заполненных великолепным бланманже.

Наконец снова заговорил епископ. Опять делился впечатлениями, рассказывал истории. В какой-то момент коснулся в очередной раз последнего заседания:

– День сегодня был непростой, – сказал. – И нет причин полагать, что дальше будет проще. Нам ещё повезло, что на сегодняшнем Совете не было отца Лалемана. Вот кто настроен категорически воинственно. И это понятно. Нет больших врагов на этой земле, чем ирокезы и иезуиты.

Филипп держал в руках бокал, наполненный превосходным вином, глядел на епископа. Сидел расслабленный. Слушал не слишком внимательно. После ужина ему очень хотелось спать. И он с трудом боролся с желанием прикрыть глаза. Думал, будет неловко, если он всё-таки не справится с собой и задремлет прямо тут, за столом.

Епископ рассказывал какую-то старую историю про мальчика-могавка, захваченного иезуитами. Потом упомянул о ребёнке, которого недавно собственноручно передал, вернул ирокезам. Наконец произнёс имя, расслышав которое Филипп вздрогнул, едва не расплескал вино.

– Я понимаю ненависть иезуитов к ирокезам, – сказал монсеньор де Лаваль. – Не так давно мне пришлось наблюдать воочию результат бесконечной жестокости последних. Когда я вспоминаю, в каком состоянии довелось мне видеть вашего друга, отца д'Эмервиля!.. Могавки передали нам его, измученного пытками, в обмен на ребёнка... Я не знаю, как он выжил! Когда я вспоминаю тот день, я понимаю неукротимое желание французов взяться за оружие и...

Он не договорил. Отложил в сторону ложку. Откинулся на спинку стула, едва заметно склонил голову набок. Всмотривался в побелевшее лицо гостя.

– Вы не знали? – проговорил недоверчиво. – Я полагал... Простите, господин де Грасьен. Я и помыслить не мог, что вы можете быть не в курсе. Простите, прошу вас.

Филипп смотрел на прелата. И в ушах его колоколом гудело: «ваш друг...», «ваш друг...». Он коснулся рукой лба. Произнёс, с трудом справляясь с голосом.

– Отец д'Эмервиль, монсеньор, слишком бережёт своих друзей. Не желая, чтобы они волновались, он...

Взгляд епископа сделался тёплым. Он перебил Филиппа:

– Не старайтесь оправдать его передо мной. Мужество господина д'Эмервиля, его сила воли, его безграничное, невероятное терпение и стремление жить давно сделали это за вас. Простите его сами.

Глава 4. Просто «здравствуй»

На третий после ухода Леру день началась метель. И она продолжалась целую неделю. Клементине казалось, буре этой не будет конца. Каждое утро они с Вик просыпались в замёрзшем по крышу доме. Каждый день Клементина, едва поднявшись, расчищала выход, выбиралась наружу. И подолгу смотрела вдаль – пыталась хоть что-то разглядеть сквозь сплошную снежную пелену.

– Он вернётся! – шептала. – Непременно. Обязательно вернётся.

Изо всех сил старалась не пускать внутрь себя страх. Тот в отместку обхватывал её снаружи – леденил пальцы, обжигал мокрым щеки, пробегал мурашками по телу.

Несколько раз ей казалось, что она слышит шаги Леру. Однажды даже ей померещилась тень, мелькнувшая за затянутым пузырьком окном. Она выскочила за дверь. Наткнулась на росмаху. Та стояла в нескольких шагах от Клементины, буравила её взглядом. Когда животное шевельнулось, наклонило ниже голову, прижалось будто бы к земле, Клементина в испуге бросилась обратно в дом. Заложив дверь, схватила Вик на руки. Та зарыдала, изогнувшись, требуя свободы, едва не выскользнула из ослабевших вдруг материнских объятий.

Клементина с трудом удержала дочь. Чтобы не выронить, опустилась на шкуру у очага, прижала девочку к груди. Она старалась не бояться. Очень старалась. Гнала от себя дурные мысли. «Он вернётся, – шептала снова и снова. – Обязательно вернётся».

Она должна была в это верить, потому что иначе не знала, сумела ли бы она выжить.

Вик теперь часто плакала от голода. И Клементина всякий раз с трудом удерживалась от того, чтобы не зарыдать вместе с ней.

По многу раз в день прикладывала девочку к груди в надежде, что та сумеет добыть для себя хоть немного молока. Но всё было бесполезно.

Клементина варила маис и давала дочери пить отвар. Она вымачивала в воде маисовые лепёшки. Предлагала понемногу Вик. Однажды – где-то к концу первой недели – заметив, как осунулось детское личико, попыталась даже накормить девочку мясом. Но даже самыми маленькими кусочками, которые Клементине удавалось отделить от большого отваренного вместе с бобами куска, Вик давилась.

Так что к моменту, когда Жан-Батист Леру появился на пороге дома, обе – и Клементина, и Вик, – были издёрганы и выглядели исхудавшими от недостатка еды и беспокойства.

*

Они пропустили момент его появления. И он, Жан-Батист Леру, получил возможность недолго, всего мгновение-другое, понаблюдать от порога, как молодая женщина, сидевшая вполоборота к двери, нащёптывала что-то дочери. А та, почти целиком засунув кулачок в рот, внимательно слушала, распахнув глазёнки навстречу матери.

Потом женщина обернулась. И он успел увидеть, – это было несложно, всё происходило медленно, как во сне, – как менялось выражение её лица: от тоски и апатии через испуг, удивление, неверие – к радости. К такой восторженной радости, что у него вдруг заболело в груди.

*

Когда распахнулась дверь, Клементина вскочила. Она усадила Вик на шкуру, бросилась к вошедшему. Едва не кинулась ему на шею.

– Вы вернулись! – воскликнула ликующе. – Наконец-то вы вернулись!

Он взглянул на неё из-под кустистых бровей, молча отодвинул от себя.

Стащил заплечный мешок. С трудом – мешок выглядел очень тяжёлым – привалил его к стене. Вышел наружу, долго возился там в темноте. Снимал добытое с волокуш, что-то двигал, поправлял. Устанавливал, укреплял, утрамбовывал. Снег скрипел под его ногами. Ветер гудел в вершинах сосен.

Наконец дверь снова распахнулась. Леру втащил в дом огромный тюк. Замер над ним на мгновение – раздумывал будто. Потом подошёл к ней. Вплотную. Положил тяжёлую руку ей на затылок, всмотрелся в её лицо.

– Пока меня не было, ты что-то для себя решила? – спросил глухо.

Она молчала. Не отстранялась, но была напряжена.

Он сам отпустил её. Опустил руку. Отступил на шаг.

– Понятно, – сказал. – Тогда просто «здравствуй»!

*

Клементина занялась Вик – чтобы скрыть смущение.

Она так соскучилась! И так была счастлива, что он снова с ними! Она незаметно поглядывала в его сторону. Он осунулся, оброс щетиной. Выглядел усталым, почти измождённым. Если бы не страх быть снова неправильно понятой, она бы рассказала, как сильно ждала его, как боялась, что он не вернётся. Думала: налить бы тёплой воды в миску и побрить его. Убрать, счистить бы с его лица эту седую стариковскую маску. Вернуть на его лицо улыбку. Он перестал бы выглядеть таким пугающе-диким, таким чудовищно-неуступчивым. Таким старым.

– Вы ведь совсем не старик! – однажды она уже удивила его этим восклицанием

Он обтирался снегом в нескольких шагах от дома. Стоял полубоком, тёр плечи, лицо, шею. Снег комьями валился между пальцами, задерживался ненадолго на теле, потом таял, тонкими струйками стекал по разгорячённой коже.

Она, выглянув наружу и обнаружив эту картину, прислонилась к дверному косяку. Стояла, наблюдала. Не находила в себе силы вернуться в дом. Не то, чтобы она любовалась им – он не был красив. Но он был крепок и жилист, как виноградная лоза. И он был моложе, значительно моложе, чем она до тех пор думала.

Оттого, когда Леру обернулся, уставился на неё насмешливо:

– Что? Что смотришь?

Она ответила ему этим восклицанием:

– Вы ведь совсем не старик!

Как будто винила его в преднамеренном обмане.

Он пожал тогда плечами:

– Мне сорок два.

И отвернулся.

Она теперь вспоминала эту сцену. Машинально качала на коленях Вик. Никак не могла справиться с неловкостью, зародившейся в ней. Эта неловкость раздражала Клементину. Она понимала: нечаянно она обманула его ожидания. И это понимание рождало в ней одновременно досаду и раскаянье. Она должна была помнить. Она должна была удержаться.

Она говорила себе «должна» и раздражалась? В самом деле должна? Обязана скрывать симпатию? Благодарность? Беспокойство?

Отчего не может она радоваться человеку?

Она была благодарна ему за заботу о ней и её дочери и хотела проявить заботу в ответ. Она беспокоилась о нём. Она ждала его. Не глупо ли отрицать это? Нелепо вести себя суше, холоднее, чем того просит сердце! В жизни и так немало трудностей, бед. Одиночества, в конце концов.

*

Она сидела у себя в закутке и незаметно наблюдала за Леру.

Он сделал ещё несколько ходок к волокушам. Принёс какой-то бочонок, занёс его в пристройку. Потом заволок в дом ещё один мешок.

Наконец, сбросив с плеч бесформенную меховую куртку, подошёл к очагу. Уселся у самого огня.

Взглянул снова на неё.

– У нас есть что-нибудь поесть? Я голоден.

Она вскинулась. Усадила Вик в угол, бросилась в пристройку. Вернувшись, подвесила над огнём котелок, наполовину заполненный варёными бобами. Положила перед Леру несколько маисовых лепёшек. Собралась возвратиться к Вик. Но он ухватил её за руку:

– Поди. Разбери то, что я привёз. Там есть для тебя подарок.

Она хотела отказаться – ей не нужны подарки. Но он смотрел на неё с такой очевидной надеждой, с таким желанием порадовать её, что она не смогла сказать «нет». Направилась к тюку, ослабила стягивающие его кожаные ремни.

Склонилась к уложенным один к другому мешкам. Развязала первый, второй. Поднялась. Подошла к Леру.

– Столько еды! Вы привезли еды!

– Там сушёная морковь, тыква. Мука. Теперь твоя девочка будет сыта.

Она опустилась на колени, обхватила его сзади, прижалась к его спине.

Он не шелохнулся.

– Это не всё, – произнёс спустя время. – Когда я говорил о подарке, я имел в виду другое.

– Мне больше ничего не надо, – ответила она, счастливо улыбаясь.

– Посмотри, – проговорил он настойчиво.

Расцепил её руки. Встал сам. Подошёл к тюку, вынул откуда-то из глубины его свёрток. Протянул ей.

– Это тебе.

Подумал, улыбнулся стеснённо.

– И мне.

В свёртке обнаружилась одежда – простая, тёплая, крепко сшитая.

– Я хочу, чтобы ты вспомнила, что ты француженка, – сказал он, когда Клементина, развернув поданное ей, с изумлением засмотрелась на шерстяную юбку, синюю жилетку-корсет, на белый, украшенный вышивкой чепец.

– Я помню, – сказала тихо.

– Надень это.

Он впервые говорил с ней так – мягко, просительно. Протянул руку, коснулся её щеки. Она вспыхнула вдруг от одновременно обрушившихся на неё чувства благодарности и вины. Подняла на него взгляд.

– Прости, – прошептала. – Я не могу.
– Почему?

Она молчала. Смотрела на него. Не могла выговорить.

Он усмехнулся.

– А, понял. Думаешь, что за подарок придётся расплачиваться? Успокойся. Я не выпрашиваю подачек.

Клементина покраснела.

– Я и не имела в виду... – она совсем растерялась.

Он бросил резко:

– Я знаю, что ты имела в виду.

*

С того дня, как вернулся из далёкого путешествия Леру, зима, как сорвавшийся с цепи пёс, непрерывно выла у порога. Засыпала слабых людишек снегом, вымораживала их дома. У тех, кто не сумел обеспечить себя запасами, отнимала надежду на пропитание.

Если бы не Леру, – думала всякий раз Клементина – она не выжила бы. Одно присутствие его в доме делало для неё ожидание весны не таким непереносимым.

Не то, чтобы они много общались между собой. Всё больше сидели рядом, занимались своими делами. Леру чистил ружьё, перебирал и готовил ловушки и капканы. Ждал, когда метель утихнет, чтобы снова выйти на охоту. Клементина возилась с дочерью. Пела ей то ли песни, то ли баллады – что-то, всплывавшее из глубин её детства. Рассказывала сказки. Девочка слушала. Улыбалась. Лепетала что-то в ответ.

Время от времени Леру отрывался от своих занятий, вскидывал голову, – Клементина отмечала это краем глаза. Смотрел на них с не вполне понятным ей выражением – со смесью любопытства и недоумения. Когда взгляд начинал жечь кожу, она оборачивалась. Приподнимала бровь, наклоняла вопросительно голову. Он тогда качал головой: нет-нет, ничего. Снова возвращался к своим капканам и ловушкам.

*

С некоторых пор он ничего не мог с собой поделать. Вид этих двух женщин – большой и маленькой – наполнял его какой-то особенной радостью. И он, стараясь делать это незаметно, в самом деле любовался ими. Глядел на дитя – на яркие глаза, тонкие ручки, светлые шёлковые кудри ребёнка. Впивался взглядом в плавный изгиб шеи женщины, в просвечивающее алым ухо, в её иссушенные морозом губы. Никак не мог заставить себя не смотреть.

Женщина напевала-наговаривала что-то, девочка угукала, щебетала, смеялась. Тянулась, засовывала пальчики в рот матери, заглядывала, будто понять пыталась, как, откуда берутся эти странные звуки.

А он смотрел, слушал этот невнятный диалог матери и дочери. И удивлялся теплу, которое разливалось в глубине него. Он уже и думать забыл о том, что такое возможно.

Вечерами, уложив Вик спать, Клементина усаживалась у очага. Иногда просто молча глядела в огонь, иногда доставала откуда-то из-под матраса стопку исписанных листов. Смотрела, вздыхала, гладила их пальцами. Он наблюдал за ней какое-то время.

Однажды не удержался, спросил:

– Что это ты там всё вздыхаешь? Что? Письма от любовника перечитываешь?

– Я не читаю, – сухо ответила она. – Хотя очень хотела бы.

Ответ показался ему странным.

– Что это за бумаги? – спросил.

Она сначала пожала плечами, промолчала. Потом, когда он повторил вопрос, всё-таки заговорила. Опять пожаловалась, как сильно хочется ей прочесть то, что там написано.

– Так прочти! – отчего-то раздражённо ответил он. – Если это не личные письма, что мешает тебе развлечься?

Она боролась с собой ещё некоторое время. В конце концов, сдалась.

Однажды вечером, усевшись у очага, положила стопку бумаг себе на колени, принялась читать вслух. И он, Леру, получил возможность не только смотреть, но и слушать её. Говорить с ней.

Они и прежде разговаривали, разумеется. Но беседы их были коротки. Она не спрашивала его о прошлом, которое он хотел забыть. И он был ей очень за это благодарен. Он, в свою очередь, тоже не задавал ей вопросов. Так, временами, когда приходило желание, она рассказывала ему о своём детстве. Но тоже скупое, без подробностей.

Оттого он был очень рад, когда она наконец решилась прочесть то, что оставил ей какой-то иезуит. По крайней мере, у них появилась тема для обсуждения. Он, Леру, мог немало добавить к отчёту миссионера-иезуита о его путешествии от озера Сен-Жан до озера Мистассини. В своё время он прошагал немало льё, преодолевая тяжелейшие волоки, он поднимался в горы, брёл по заболоченной, изобилующей многочисленными ручьями, равнине пока добрался до текущей на север реки Нестоуканоу. Он прекрасно знал тот район.

Он тогда бежал от себя. Но это не значит, что он плохо помнит то, что видел. И теперь ему было чем удивить сидевшую напротив женщину! И он с удовольствием удивлял. Радовался интересу в её глазах. Недоумевал только, что, слушая его со всем вниманием, Клементина наотрез отказывалась говорить о том, каким образом достались ей эти бумаги, которые она так заботливо упрятывала каждый вечер под свой матрас.

И о хозяине бумаг Клементина отчего-то, как и о многом прочем, рассказывать отказалась. И не то, чтобы он спрашивал. Просто когда она упомянула о том, что записи эти ей передал очень хороший человек, он спросил – что за человек? И вдруг увидел, как полыхнули её глаза. Она прикрыла их, упрятала огонь вглубь себя. Сказала:

– Просто хороший человек.

Он пожал плечами.

– Хороший – так хороший.

Глава 5. Лихорадка

А зима решила, наконец, показать людям свой настоящий норов. Метели всё не прекращались. Из-за этого много дней подряд им пришлось провести в доме. Не было ни малейшей возможности даже нос высунуть наружу. Снег засыпал дом почти под крышу. Единственное окно практически не пропускало дневного света. И огонь в очаге один определял теперь время, когда заканчивался «день» и начиналась «ночь».

И это, как они ни старались игнорировать недостаток света и свободы, нервировало обоих.

Клементина особенно плохо справлялась с тревожностью.

Вик капризничала – у неё резались зубы. Плохо спала, много плакала. И по-прежнему, несмотря на то, что больше не голодала, выглядела очень истощённой.

В одну из ночей у девочки начался жар.

Леру, всегда спавший чутко, проснулся в тот момент, когда Клементина ахнула, коснувшись горячего детского тела. Подскочила на койке, спустила на пол ноги.

Он слышал, как она зашептала что-то, как будто застонала. Думал, что ей приснился кошмар. Собирался заснуть снова. Но она всё не укладывалась. Выскользнула из-за полога, сделала несколько быстрых шагов по комнате – будто пробежалась. Вернулась обратно. Снова зашевелилась, зашептала что-то.

Он не выдержал. Поднялся, запалил огонь.

Долго шурился, привыкал к свету. Наконец, отодвинул край шкуры.

– Что случилось?

Она сидела на койке, держала ладонь на лбу ребёнка, покачивалась тоскливо. Когда он появился перед ней, подняла на него полные ужаса глаза.

– У Вик лихорадка.

– Бывает, – ответил он спокойно. – Ты разве не знаешь, что надо делать? Или у тебя нет снадобий?

Она встала, шагнула к нему – как будто искала у него защиты. Забыла и о холоде, стоявшем в доме, и о том, что не одета. Он скользнул взглядом по её босым ногам, по короткой нижней сорочке, не закрывавшей щиколотки. Выставил вперёд руку, не позволяя ей приблизиться.

– Оденься, – сказал резко. – И не теряй разума.

Вернулся на своё место. Закурил. Когда она вышла наконец одетая из своего закутка, он с меланхоличным видом пускал кольца дыма в потолок.

Оглядел её, покачал головой.

– Ты слишком быстро впадаешь в панику. Однажды это может стоить тебе жизни.

Она промолчала. Стиснула зубы. Отворила дверь, зачерпнула в котелок снега.

Он завернулся в шкуру – в доме было очень холодно. Сидел, смотрел, как она хлопчет у очага. У неё заметно дрожали руки. Насыпая в котелок порошок из коры вяза, она просыпала часть его в огонь. Леру наблюдал за ней какое-то время. Потом направился в пристройку.

Принёс оттуда, подал ей кружку, наполненную резко пахнущей, тёмной жидкостью.

– Выпей.

Она узнала запах – этой же дрянью поил её на судне Рамболь.

– Не буду.

– Пей. Не заставляй меня применять силу.

- Мне это не нравится.
- Он настаивал.
- Я не предлагаю тебе напиваться. Глотни.
- Она послушалась, наконец. Сделала глоток. Сморщилась.
- Ужасная гадость.
- Он засмеялся.
- Зато хорошо согревает. И успокаивает.

*

Несколько последующих дней были тяжелы, как никогда. Вик продолжала «гореть». Снадобье, которым поила девочку Клементина, помогало лишь на короткое время. Но ещё большей сложностью было заставить ребёнка выпить этот целебный отвар.

Чтобы напоить, влить в дочь лекарство, Клементине требовалось недюжинное терпение и ловкость. И борьба эта между матерью и ребёнком истерзала всех, кто находился в доме.

Вик наотрез отказывалась глотать горький напиток. Клементина нервничала. Леру терпел.

*

Леру боялся этого чёртова младенца. Если не считать того единственного раза, когда он взял девочку на руки, – не потребовалось, он и близко не подошёл бы! – он не касался её. Обходил стороной.

Он понятия не имел, что делать с такими крохами, как с ними обращаться и чем развлекать. Но теперь, наблюдая издали за молодой женщиной и её ребёнком, Леру понимал, что его вмешательство вполне может потребоваться. Видел, как с каждым часом теряет Клементина выдержку.

А она никак не могла ни накормить девочку, ни напоить её целебным отваром. Та кричала до икоты и выплёвывала всё, что попадало ей на язык – отвар из коры, пюре из моркови и тыквы, заваренную в кипятке пшеничную муку.

Девочка не спала к тому моменту почти сутки. Всё плакала и плакала.

В какой-то момент Клементина не выдержала. Опустилась на койку, закрыла лицо руками, разрыдалась:

– Я не могу больше. Она умрёт.

Он разозлился.

– Вот дура!

Ворвался в их «женский» уголок. Оттолкнул её, забрал ребёнка. Уложил Вик рядом с собой – на свой лежак неподалёку от очага.

В доме было теперь довольно тепло. Они не гасили огня уже много часов. От очага веяло жаром. И он интуитивно, повинаясь исключительно своему собственному представлению о том, что было бы ему приятно, если б лихорадка была у него, раздел ребёнка догола.

– Подай мне воды, – сказал сурово.

Когда Клементина поставила около него котелок с водой, он взялся протирать тельце ребёнка куском влажной ткани.

– Она замёрзнет, – попыталась воспротивиться Клементина.

– Иди к себе, – ответил он, не глядя в её сторону. – Иди.

Он долго ещё продолжал сидеть рядом.

Гладил двумя пальцами девочку по лицу. Вёл от наморщенного лобика, по бровям, скулам, подбородку. Что-то шептал-нашёптывал с закрытыми глазами. Сам, кажется, дремал.

Клементина смотрела на них из своего угла. Наблюдала с удивлением, как потихоньку успокаивалась Вик. Наконец та утихла, заснула. Клементина собралась подойти, забрать девочку к себе – он качнул запрещающе головой. Прошептал сипло:

– Ложись спать.

*

Если бы они могли хотя бы на время выйти наружу, глотнуть свежего воздуха, взглянуть на солнце, им безусловно стало бы легче. Но солнца не было. Снег продолжал сыпать. И им приходилось находить себе занятия в доме.

Слава Богу, Вик пошла на поправку. Жар спал. И теперь только тёмные круги под её глазами напоминали о тех нескольких ужасных днях, которые всем им пришлось пережить.

Леру теперь всё чаще брал девочку к себе. Та всё ещё была слаба, но к ней вернулся её стоический индейский характер. И Леру с удовольствием наблюдал за тем, как Вик исследовала жизнь и боролась с трудностями. Смотрел с улыбкой, как преодолевала она препятствие за препятствием. Огибала, обходила расставленные на её пути табуреты, перелезала через сооружённые загородки, подлезала под расставленные руки. Когда она выбирала себе цель, её невозможно было остановить. Несколько раз они, двое взрослых, не успевали уберечь девочку от травм. Один раз она упала у очага, коснулась ладошкой горячих камней. Второй раз свалилась с лавки. Плакала недолго. И потом, кажется, больше удивлялась, рассматривая встревоженную мать – что случилось? что ты так смотришь?

Она снова стала пытаться ходить. Поднималась. Делала несколько шагов и падала.

Не плакала. Кряхтела только досадливо. Иногда рычала.

Леру смеялся:

– Не девочка, а волчонок.

*

Клементина же, изнемогая от усталости, одновременно с этим не находила себе места. То бралась из нескольких беличьих шкурок, выделанных Леру по осени, шить Вик одежду, то кидалась пересчитывать запасы провианта, перебирала снадобья, перетирала травы, смешивала, соединяла их, раскладывала по каким-то одной ей известным местам. Он наблюдал за всем этим молча.

Однажды он обнаружил её в пристройке. Она ковыряла ножом земляной пол.

– Что ты делаешь? – спросил удивлённо.

– Яму, – ответила она, не отрываясь от своего занятия.

– Зачем?

– Хочу спрятать туда немного еды про запас.

– Спрятать? От кого?

– Ни от кого. Индейцы, у которых я жила, всегда делали так. Излишки еды они зарывали в такие хранилища.

– Излишки? – он засмеялся, обвёл взглядом несколько мешков с бобами и маисом. – Ты шутишь?

Она подняла на него взгляд. Смех стих на его губах.

– Делай что хочешь, – пожал плечами.

*

Её не отпускал страх. Она просыпалась по ночам. Лежала, глядя бессмысленно в крошечную тьму. Иногда поднималась. Принималась ходить – тихо. Ступала неслышно – два шага в одну сторону, два – в обратную.

Леру, как она ни старалась не шуметь, просыпался всё равно. Поднимал голову, следил за её перемещениями по дому. Потом поднимался, разжигал очаг. Подзывал её к себе.

Она подходила, усаживалась рядом. Он обнимал её за плечи.

В одну из таких ночей он сказал вдруг:

– Послушай, зачем тебе идти в Квебек? Тебя там кто-то ждёт?

Она испуганно посмотрела на него. Этот страх тревожил её наравне со страхом голода и одиночества. Она не знала, кто и что ждёт её в Квебеке. Не знала, к кому идти и как её примут.

Он, не дождавшись тогда ответа, продолжил шёпотом:

– Пойми уже. Мы оба с тобой – изгои. Ты шлюха, я убийца. Что бы ты ни говорила, нам нельзя возвращаться к людям. Они нас никогда не простят. И не примут. Ни тебя, ни меня.

Она молчала. Смотрела в огонь. Он, не дождавшись ответа, коснулся губами её волос.

– Почему бы нам не поселиться вместе?

Клементина едва справилась с желанием сбросить его руку и спрятаться опять в своём отгороженном меховым одеялом углу, как делала это всегда прежде. Не сбросила. Осталась сидеть рядом. Повернула голову, посмотрела Леру в глаза:

– Я не знаю, – сказала, – найдётся ли мне место среди людей. Но я должна вернуться в город. Хотя бы для того, чтобы удостовериться, что надежды на возвращение нет.

Сказала и едва сглотнула подступивший к горлу ком.

Он ещё уговаривал её. Она же не слышала ни слова.

Думала о своём.

Думала: неужели он прав?

Раньше, когда он называл её шлюхой – это было оскорблением. Сегодня – это только констатация факта. Похоже, ей, в самом деле, придётся привыкать и к такому отношению к ней, и к этой своей роли.

Глава 6. Большой Сават

С тех пор, как, закончив все свои дела, Мориньер добрался наконец до форта, он всё пытался найти себе занятие. Сделать это в нынешней ситуации было непросто. Лекарь, сопровождавший его в пути от Квебека до Сабин-Бопре, излечил все его раны. Но он категорически выступал против всяких путешествий зимой.

– Потерпите до весны, монсеньор, – говорил он, поджимая губы. – Иначе за ваше самочувствие я не отвечаю.

Разумеется, Мориньер мог бы не обращать внимания на слова старика. Но, во-первых, он вполне осознавал, какого труда стоило тому его, Мориньера, нынешнее здоровье. А, во-вторых, в путешествиях теперь, в самом деле, не было никакой необходимости. Все оставшиеся дела вне форта вполне могли подождать. А в форте благодаря Жаку Обрэ порядок царил – не придерёшься.

Только боеспособность воинов представлялась Мориньеру не вполне удовлетворительной. Все они умели пользоваться мушкетами, разумеется. Все были смелы и готовы к бою в любой момент. Но Мориньер понимал, что моральная готовность драться у его солдат была заметно выше готовности физической. Оттого, едва отдохнув от длительного перехода, он снова вернулся к тренировкам. Тренировался сам, заставлял заниматься и всех оставшихся в форте.

Они не смели протестовать. Когда он был рядом, ни единой гримасой не выражали недовольства. Но не вполне понимали необходимости ежедневных занятий. Мориньер знал об этом – слышал своими ушами тихие их разговоры.

– Зачем это надо? – ворчали они. – Придёт нужда – будем драться. А так... зря только тратим время и порох.

Ещё меньше они понимали, ради чего он, Мориньер, то заставляет их мастерить луки, то внимательно следит за тем, как они отправляют стрелу за стрелой в мишени. Меткость их в этом случае оставляла желать лучшего. И неотрывный взгляд хозяина форта очень смущал их. А кулачные бои? Взять эти кулачные бои на площади! – не поймёшь, игра это или в самом деле битва.

Мориньер слышал их брюзжание и молчал. Следил всякий раз внимательно за тем, как дерутся пары. Хмурился. Однажды – к тому времени он окреп немного – не выдержал, вышел на площадку к двум матросам. Те дрались откровенно понарошку. Не дрались – так, валяли дурака. Посмеивались.

Отодвинув одного из них в сторону, он встал напротив второго.

– Бей, – сказал.

Тот глазами заморгал. Как это – бей? Одно дело между собой кулаками махать. Другое – господину между глаз заехать. Он замер на мгновение. Стоял, опустив руки.

Мориньер всмотрелся в лицо стоявшего напротив него:

– Пьер... Годе, не так ли?

Матрос кивнул удивлённый:

– Да, монсеньор.

– Бей, – повторил Мориньер.

Годе неуверенно оглядел его. Оценивал как будто.

Наконец, оценил. По лицу его скользнула лёгкая ухмылка – если бы Мориньер не ждал её, не заметил бы ни за что.

Мориньер улыбнулся насмешливо в ответ.

– Я бы на твоём месте не праздновал победу заранее.

Тот пожал плечами. Он явно не считал хозяина форта серьёзным противником.

Такую самоуверенность матроса объяснить было легко. Пьер Годе выглядел заметно крепче него, Мориньера. Он был на полголовы выше и очевидно шире в плечах. Однако это ни в малейшей степени Мориньера не смущало. Он выздоровел достаточно для того, чтобы не бояться, что какая-нибудь из его прежних ран откроется в результате этой битвы. А всё остальное его не беспокоило. Он не собирался уступать этому верзиле – будь Годе даже отъявленным драчуном. А тот таким не был.

Именно потому, когда Пьер Годе, подбоченясь, спросил:

– Что, монсеньор? Тогда до первой крови?

Мориньер улыбнулся.

– Первую кровь я могу обеспечить тебе прямо сейчас. Будем драться до победы. Кто посчитает себя побеждённым, имеет право просить об окончании боя.

Он видел, что Пьер разозлился.

– Может, тогда возьмём по ножу? Коли беречь друг друга нам ни к чему?

Мориньер засмеялся:

– Нет. Ножи оставим до следующего раза. Не переживай. Если тебе придёт охота, мы померяемся силами и на других условиях.

– А правила?

– По возможности не ломать кости. В настоящей битве они нам понадобятся целыми.

Вокруг собралась толпа. Мориньер увидел краем глаза, как протиснулся в первые ряды Обрэ. За ним скользнул, встал рядом старик-знахарь. Что-то возбуждённо взялся говорить Жаку. Тот кивнул, шагнул вперёд.

– Монсеньор...

– Я достаточно здоров, Жак, – ответил коротко. – Не мешай.

*

Борьба получилась интересной – если не считать первых нескольких минут, в течение которых Пьер никак не мог взять в толк, как ему следует поступить: драться ли по-настоящему или побережь господина, по непонятной для него, Пьера, причине решившего помериться с ним силой.

Получив пару глумливых оплеух, – Мориньер был так быстр, отвешивая их, что матрос даже не успевал заметить, как ладонь противника оказывалась в непосредственной близости от его лица, – Годе разозлился окончательно и стал драться всерьёз. Но при этом ещё какое-то время не мог успокоиться. Суетился, делал лишние движения. Мориньер без особого труда уворачивался от его ударов. Пару раз проговорил тихо:

– Держи себя в руках. Спокойнее.

Наконец, Пьер Годе, в самом деле, справился с возбуждением. И даже несколько раз сумел достать Мориньера. Однажды дотянулся до его скулы, во второй раз – рассёк тому бровь. Сам он к этому моменту тоже выглядел не лучшим образом – у него был разбит нос, так же,

как у Мориньера, рассечена бровь и плечо было выбито из сустава. И всё это при том, что Мориньер старался удержать руку. Касался матроса жёстко, но коротко и не в полную силу.

Когда, окончательно позабыв о статусе Мориньера, Годе привычно пустил в ход ноги, Мориньер усмехнулся. Ударил в ответ его подъёмом ступни по голени, не делая паузы, этой же ногой приложился к боку противника. Бил несильно, но точно.

– О! – Годе воскликнул, поражённый. – Марсельские штучки?

Мориньер кивнул.

Эти приёмы, используемые моряками Марселя, – а, говоря по правде, в ничуть не меньшей степени всякими бродягами и уголовниками – были хорошо известны Мориньеру. В его марсельском доме даже какое-то время обитал один такой – Большой Сават. Не было в Марселе большего буяна. И не находилось на тот момент никого, кто смог бы победить его в драке.

Прослышав однажды об этом, державшем в страхе полгорода, головорезе, Мориньер, конечно же, не мог упустить случая и не познакомиться с ним. Приказал найти того – это было несложно. Выяснив, где обитает Большой Сават, направился на встречу с ним. Тот, как и следовало ожидать, большую часть вечеров проводил в порту. Бояться ему было нечего – боялись его. Он и не скрывался. Проворачивал с лентой свои делишки: собирал дань с бродяг, работавших на его территории, принимал подношения, разбирался с непокорными. Он не достиг ещё самых вершин, но дело своё знал хорошо. И даже самые крупные из теневых хозяев города с ним старались не связываться. Не настолько он мешал им, чтобы затевать разборки.

Когда Мориньер нашёл Савата в одной из портовых таверн, тот даже не шевельнулся, не двинулся, не напряг ни единого мускула.

Спросил только лениво:

– Что нужно?

– Мне нужен ты, – ответил Мориньер, присаживаясь на скамью напротив.

– Зачем?

Услышав ответ, Сават расхохотался. Смерил усевшегося перед ним насмешливым взглядом.

Мориньер мог поклясться, что тот в несколько первых мгновений безошибочно оценил стоимость его одежды, не упустил из вида не только шпагу, на эфесе которой Мориньер держал руку, но и кинжал, спрятанный в сапоге. После непродолжительного раздумья, тот покачал головой:

– И не подумаю, – ответил. – Такому не учат.

Мориньер улыбнулся и назвал сумму.

Сават посмотрел на него с недоверием.

– С какой стати вам понадобилось влезать в эти грязные игры?

– Это не твоя забота, – спокойно ответил Мориньер. – Я плачу – ты делаешь дело.

Договорив, Мориньер поднялся. Бросил на край стола небольшой мешочек с монетами.

– Здесь задаток, – сказал. – Остальное получишь, когда исполнишь то, что от тебя требуется. До завтра.

*

Когда Мориньер сообщил Бертену и Рене о том, какого гостя ждёт к обеду, они решили, что ослышались. Когда Мориньер приказал дворецкому провести Савата в столовую, как только он появится, тот чуть не потерял дар речи. Какое-то время жевал губами. Потом выдохнул:

– Я понял, монсеньор.
Он ничего не понял.

Рене и Бертен, получившие разрешение заниматься своими делами, наотрез отказались покидать дом. Сообщили Мориньеру, что будут неподалёку. Он рассмеялся, покачал головой.

– Вы сомневаетесь в моей способности постоять за себя?

– Нисколько, монсеньор, – храбро ответили оба в унисон, – когда вы имеете дело с людьми хоть сколько-нибудь честными. Но ваш Сават, насколько мы можем судить, и близко не знает, что это такое. Мы будем рядом.

Он пожал плечами.

Потом прислуга, занимавшаяся приготовлением обеда, никак не могла взять в толк, кого ждёт к столу господин. Уяснив, наконец, что Большой Сават и человек, который будет обедать в доме – одно и то же лицо, замолчали надолго.

Сават пришёл вовремя. Даже на четверть часа раньше назначенного времени. Пройдя в сопровождении дворецкого в столовую, остановился на её пороге. Мориньер пригласил его пройти. Приказал подавать обед.

Сават ещё какое-то время топтался у дверей, потом сделал несколько шагов по комнате. Огляделся недоумённо, долго смотрел на сервированный стол.

– Что за шутки? – спросил.

– Садись, – повторил Мориньер. – Теперь время обеда. Пообедаем. Заодно и поговорим. Сават обернулся к нему:

– Ладно, зачем вам потребовались мои услуги – я понял. Но зачем вам я – за этим столом? Ваши люди, – он взглянул на копошащегося у стола слугу, – решат, что вы сбрендили.

Поскольку Мориньер молчал, он продолжил вызывающе:

– Что? Обожают нарушать правила?

Наконец, дождался ответа:

– Я их не нарушаю. Я их устанавливаю. Так ты присядешь?

Сават уселся на стул. Положил обе свои лапищи на край стола. Долго с недоумением и даже опаской смотрел на выставленные на столе блюда.

– Я кажись не голоден, – сказал хмуро, когда слуга разложил перед ним приборы.

Мориньер отпустил слугу. Налил себе вина в бокал. Поставил бутылку перед необычным гостем.

– Можешь есть руками, – безразлично пожал плечами, возвращаясь на своё место.

Тот ухмыльнулся.

– Само собой. Приглашая оборванца к столу, вы не могли рассчитывать на то, что он будет вести себя прилично.

– Не мог, – спокойно согласился Мориньер. – Меня не волнуют твои манеры. Я сказал тебе уже, что мне от тебя нужно. И раз ты пришёл, я делаю вывод, что ты согласен. Значит, осталось обсудить детали.

*

Конечно, Большой Сават был согласен. Сумма, которую предложил ему этот странный господин, позволяла ему месяца три вообще ни о чём не заботиться – только пить, есть и тискать девок по кабакам. Кто бы отказался от такого?

Но это оказалось не единственной причиной, заставившей его, Савата, согласиться на это сумасшедшее предложение. Дело было в том, что этот немногословный господин его заинтриговал. Ещё в таверне, схлестнувшись с ним взглядами, он как будто почувствовал в сидевшем напротив мужчине родственную душу. «Не слабый мужик, – подумал. – Глаз волчий, речь уверенная. Очень не слабый».

Марселец? Навряд ли! Проживай этот человек в Марселе, он, Сават, знал бы о нём всё – как знал каждого мало-мальски стоящего противника. Разумеется, он должен был выяснить, что это за тип!

Оттого он и направился по указанному «волком» адресу. Подумал: если не сойдутся они, не договорятся, так хоть разведает он, нельзя ли поживиться чем в доме человека, раскидывающегося мешками монет с таким видом, как будто они сами рождаются, а ему только и остаётся, что раздавать их направо и налево.

*

Сават за обедом так и не сумел расслабиться. Несмотря на то, что кроме него и хозяина дома в столовой никого не было, он чувствовал себя скованно.

«Волк» ел медленно, задавал вопросы, сам рассказывал – ничего важного, так, анекдоты какие-то. Он же, Сават, мямлил что-то. Никак не мог подобрать нужных слов в ответ. Раздражался. В итоге он вышел из-за стола таким же голодным, каким сел. И злым.

Понимая, как нелепо, как смешно он выглядел за столом, думал: «Ничего! Вот встретимся в драке – вот где я отомщу за неиспользованную возможность по-барски пообедать».

Первое занятие – оно случилось на следующий после этого знаменательного «обеда» день – было больше похоже на избиение. Во-первых, он, Сават, не умел учить. Только драться. Во-вторых, желание унижить человека, так легко купившего его, за прошедшую ночь только возросло. А понимание, что за эту возможность он может ещё и получить немалый куш, веселило его неимоверно. Поэтому дрался Сават с ухмылкой – не бил в полную силу, но из всякого сближения с противником неизменно выходил победителем.

Когда ещё выдастся такой удобный случай? – думал.

И пользовался этим «случаем» с величайшим удовольствием.

Когда Мориньер поднял руку, обозначая конец занятия, Сават ухмыльнулся:

– Теперь вы потребуете вернуть задаток?

– Нет. Но заставлять тебя вести беседы за столом больше не буду, – ответил Мориньер.

Увидев вытаращенные глаза Савата, понял, что попал в точку. Улыбнулся с трудом.

– Первое занятие было ровно таким, как я и предполагал. Но не рассчитывай, что победа всегда будет даваться тебе так легко.

Поморщился, сгибая-разгибая распухшие пальцы.

– Я приказал приготовить для тебя комнату. Ты можешь оставаться в доме всё то время, пока будешь учительствовать. Можешь отправляться на все четыре стороны. Но тогда ты должен приходить сюда во всякий день к десяти утра.

– Во-первых, я остаюсь, – ответил Сават. – Когда ещё мне удастся поспать на господских простынях? Во-вторых, завтра вы не сможете драться. Если у вас в доме нет лекаря, я могу подсказать, что надо сделать.

– В доме есть лекарь. Но это не значит, что я не буду благодарен тебе за совет, – ответил Мориньер.

Сават смотрел искоса на своего «ученика», искал в его лице раздражение, досаду – что-нибудь, доказывавшее, что проявленные им в зале усилия были не напрасны. Но «ученик» его выглядел только очень уставшим. При этом взгляд его по-прежнему был остёр.

Они выходили из зала. В дверях Мориньер приостановился. Обернулся к Савату. Проговорил, с трудом шевеля разбитыми губами:

– Тебе в комнату сейчас принесут воды. Вымойся. Я не возражаю, чтобы ты ел руками, но предпочёл бы, чтобы в столовой пахло обедом, а не хищным зверем.

Большой Сават усмехнулся.

– Ладно. Если ты настаиваешь.

Проговорил «ты». Взглянул на стоявшего перед ним господина вызывающе.

– Да, я настаиваю, – спокойно подтвердил Мориньер.

Глава 7. Бриан

Собственно, – Мориньер улыбнулся, вспомнив эти «учебные» дни в Марселе – это был, кажется, последний брошенный Саватом вызов. Убедившись, что пробить броню его, Мориньера, самообладания не удастся, Сават отступился с лёгкостью, с какой отступает всякая шпана, получившая соразмерный вызову отпор.

Только однажды ещё, оказавшись свидетелем беседы Мориньера с Рене, пробормотал он угрюмо:

– Ну уж, прям «монсеньор». Бандит бандитом.

Мориньер засмеялся тогда:

– Одно другого не исключает. Займись-ка делом.

*

Мориньеру понадобилось около двух месяцев, чтобы усвоить все эти злодейские приёмы. И, надо сказать, знание их уже дважды спасло ему жизнь. Поэтому он считал нелишним обучить им мужчин, обитавших теперь в форте.

Так что когда Обрэ, заглянув в комнату, проговорил:

– Ну и ну! Удивили вы моих парней, монсеньор!

Он ответил:

– Я рассчитываю, что с завтрашнего дня удивлять меня будут они.

Старик-знахарь, просочившийся в комнату следом за Обрэ, взялся обрабатывать свежие царапины, полученные Мориньером в драке. Прижёт ромом ссадину на скуле, принялся смазывать какой-то мазью бровь. Бурчал:

– И что вам вздумалось, монсеньор? Если так уж надо было их поучить, можно было обойтись словами. Или вы соскучились по моим припаркам и настойкам? Или вы хотите, чтобы ваши раны опять воспалились? Зачем вам новые травмы? Прежние-то ещё не до конца зажили.

Мориньер сидел, прикрыв глаза. Пока лекарь возился с его ссадинами, размышлял. Скоро в форте их останется всего несколько человек: он сам, старик-лекарь (тот наотрез отказался возвращаться в Квебек), да слуги, прибывшие в Новую Францию вместе с ним. Обрэ со своим экипажем отправится домой, в Бретань. И хоть он теперь обещает к следующей зиме вернуться, расчёт делать на это нельзя. И на летнее время форт без защиты оставлять – тоже нельзя. А это значит, что, едва позволит погода, ему придётся отправляться в Труа-Ривьер. Завершить, наконец, сделку. Передать тамошнему коменданту обещанные тому в последнюю их встречу лёгкие испанские кремнёвые ружья. Прекрасные ружья, которые он приобрёл в одной из голландских факторий, расположенных на берегу Пенобскота! И вернуться обратно во главе отряда...

Бертен прервал его размышления. Приоткрыл дверь, сунул в образовавшуюся щель голову, о чём-то заспорил с Обрэ. Очнувшись, Мориньер открыл глаза.

– Что, Бертен? – прервал он тихую, но яростную их перебранку. – Что тебе нужно?

– Я хотел уточнить, монсеньор, вы сегодня сядете за общим столом? Или подать ужин сюда?

– Сюда. Ты составишь мне компанию, Жак?

Обрэ склонил голову:

– Конечно, монсеньор. С удовольствием.

Мориньер улыбнулся.

– Вот насчёт последнего – не уверен. Я намерен испортить тебе аппетит парой неудобных вопросов.

*

Он спрашивал уже однажды об этом, едва возвратившись в последний раз из Квебека. Тогда ответ не удовлетворил его. Но он так отвратительно чувствовал себя, что не стал уточнять. Всё равно заняться этим вопросом в тот момент он не мог. Теперь же он готов был слушать.

– Расскажи мне о Леру, – сказал, когда они оба утолили первый голод.

– О Леру?

– Ты забыл, кто это?

– Нет, монсеньор. Но я не знаю, что я мог бы о нём рассказать.

Мориньер посмотрел на него внимательно.

– Он ушёл весной, не так ли?

– Совершенно верно.

– Почему?

– Сказал, что жизнь в такой компании его не устраивает, и он будет строить себе дом, как и планировал прежде.

– Где?

Обрэ повёл плечом:

– Я не знаю.

Мориньер приподнял бровь – неужели? Смотрел на него настойчиво, с лёгкой усмешкой, не сводил взгляда.

Обрэ вздохнул:

– Я покажу примерно. Уходя, он милостиво ткнул пальцем в карту.

– Хорошо.

Мориньер наполнил вином кружку Жака, налил себе.

– Он враждовал с кем-нибудь?

– С кем-нибудь? – Жак усмехнулся. – Проще сказать, с кем не враждовал.

– С кем же?

– С Рене.

Мориньер кивнул иронично:

– Я был почти уверен. Рене умеет держать себя в руках.

Жаку нечего было на это возразить. Рене в самом деле оказался единственным, кто умел общаться с этим несносным, неуживчивым типом. Из прочих – не было ни одного, кто хотя бы раз не повздорил с ним. Ни дня в форте не проходило без конфликтов. По ерунде ссорились – из-за косого взгляда, недостаточно любезного тона, не на месте брошенных снегоступов. Он должен признать, его ребята тоже не ангелы. Но Леру – просто дьявол. Вспыхивал на пустом месте.

– Ты не мог с ним справиться? – дослушав, спросил насмешливо Мориньер.

– Леру – хищник. Ему непременно надо знать, кто в стае вожак.

– А разве остальные твои парни – не такие же?

Мориньер усмехнулся.

– Не обольщайся насчёт их смиренности. Каждый из них – зазевайся только! – откусит тебе голову.

Обрэ улыбнулся в ответ:

– Я давно их знаю, монсеньор.

*

Когда Мориньер сообщил о намерении задать ему, Обрэ, пару неприятных вопросов, он напрягся. Пытался сообразить, о чём может пойти речь, вспоминал, где он мог проштрафиться.

Мориньер никогда не был груб и крайне редко по-настоящему отчитывал провинившихся. Но одним взглядом, словом одним он ухитрялся заставить самого толстокожего из виноватых краснеть. И больше всего Мориньер не любил, когда ему отвечали: «не знаю».

Именно поэтому, произнеся это идиотское «не знаю», Обрэ готов был самолично откусить себе язык. Надо же было так опростоволоситься! Хорошо ещё, что он догадался спросить у этого чёртова Леру, куда тот направляется. Не факт, что тот в самом деле выстроил дом в том месте, которое указал. Но, по крайней мере, у него, Обрэ, чиста теперь совесть.

Обрэ усмехнулся – и Рамболя с ним рядом нет, чтобы разделить ответственность.

– Что? – спросил Мориньер, не отрывая взгляда от разложенной на столе карты. – Что тебя забавляет?

Одновременно Мориньер поманил Обрэ, подозвал его:

– Показывай.

Тот быстро нашёл нужное место.

– Он сказал, что собирается выстроить дом здесь.

– А чему ты ухмыляешься?

– Вспомнил Бриана.

– Что именно вспомнил?

– Да вот... – Обрэ замялся. – Вспомнил, как досталось нам тогда с Рамболем от вас, монсеньор.

Мориньер выпрямился. Лицо его выражало удивление.

– Досталось?

– Вы не знаете своей силы, ваша милость, – саркастически ответил Обрэ. – После той выволочки Рамболь ещё неделю озирался – всё старался не попадаться вам на глаза.

– Не говори глупостей, – пожал плечами Мориньер. – Я только сказал, что знать всё о своих людях – обязанность всякого ответственного человека.

– Именно, – улыбнулся Жак.

*

Так оно и было. Именно это он, Мориньер, тогда и произнёс. Мог бы сказать и больше, но, говоря откровенно, он был зол не только на Рамболя. И ещё менее – на Обрэ. Он был зол на себя.

Бриан, этот глупый мальчишка, ухитрившийся стать причиной – не главной, не очевидной, но все-таки причиной – казни одного из членов команды Обрэ, сидел в памяти Мориньера занозой.

Долгое время, пока команда «Целестины» находилась в форте, имя его не сходило с уст насмешников.

Бриан был главным объектом для шуток. Если он не опрокидывал на себя миску с похлёбкой, значит, он проливал вино, если он, входя в дом, не бился головой о низкую притолоку можно было быть уверенным, что он приложится об угол, впечатается в косяк, наступит на ногу рядом стоящему.

Стоило ему появиться в компании, моряки принимались подтрунивать над ним – припоминали его ежедневные промахи, потешались, заставляли краснеть. Пытаясь противостоять насмешкам, мальчишка начинал пререкаться. И, конечно, проигрывал. Смущаясь, становился ещё более неповоротлив и нескладен.

Неловкость Бриана так раздражала Мориньера, что он старался не поручать тому никаких дел. В конце концов, в форте находилось две корабельные команды. Очень просто было исключить из зоны внимания одного нелепого подростка.

Всё изменилось в один день. Он, Мориньер, приказал устроить очередные учения. Капитаны выстроили свои команды на главной площади. Вывесили мишени, раздали порох и пули. Мориньер стоял сбоку, наблюдал за тем, как отрабатывали моряки стрельбу.

Те стреляли по-разному. В целом, лучше, чем он ожидал.

Когда подошла очередь Бриана, он, Мориньер, почувствовал сильнейшее желание уйти, отвернуться, не смотреть. С трудом заставил себя остаться.

Он был готов к тому, что мальчишка опять проявит свою неуклюжесть, поэтому и бровью не повёл, когда Бриан, взявшись заряжать мушкет, просыпал порох. Не двинул ни единым мускулом, когда тот достал зачем-то из подсумка несколько пуль разом. Услышав смешки, мальчишка дёрнулся, покраснел, выронил пули. Те упали, раскатились по сторонам. Бриан наклонился, чтобы поднять их, зашарил рукой по утоптанному снегу. И тут горячая волна понимания обожгла его, Мориньера, лицо. Он наблюдал ещё какое-то время, как неловко, неуверенно собирал тот свинцовые шарики. Потом подошёл к нему.

Бриан при его приближении вскочил. Смотрел на него смущённо, едва заметно дрожал губами. Мориньер забрал у него мушкет, передал подошедшему Обрэ.

– Продолжайте, Жак!

Посмотрел снова на мальчишку:

– Иди за мной.

*

Он был тогда зол на себя так, как не был зол никогда. Думал: как случилось, что он столько времени не обращал внимания на то, что не заметить было просто невозможно?

Поговорив с Брианом и удостоверившись, что догадка его оказалась правильной, он отправил того отдыхать. Вызвал к себе Рамболя.

Он стоял тогда у стола. Когда вошёл Рамболь, он, Мориньер, какое-то время молча смотрел на него. Потом спросил:

– Что вы могли бы сказать о Бриане, господин Рамболь?

Заметил удивление в лице молодого помощника капитана.

– Парень как парень. Несуразный, но добрый.

– Что ещё?

Рамболь пожал плечами:

– Это первый его рейс.

– Чем он занимался на судне?

– Да чем... Палубу драил, матросам помогал. Труслив он. Неловок. Высоты боится. На мачты лез, дрожа, зубами кладал, белел. Так что всё, что делал – всё внизу.

– Труслив?

Он стиснул зубы. Проговорил жёстко:

– Мальчишка ни черта не видит. Как получилось, что вы этого не знаете?

Он помнит: именно тогда он и произнёс то самое, о чём напомнил ему теперь Обрэ – «знать всё о своих людях – обязанность всякого ответственного человека».

Говоря по правде, он говорил тогда о себе больше, чем о Рамболе. И корил – себя.

*

С того дня в форте глумиться над Брианом перестали. Иногда, изредка, по старой привычке, случалось, комментировали насмешливо очередной его промах, но тут же прикусывали языки. Что при этом они вспоминали: его, Мориньера, приказ или пылающее от стыда лицо Рамболя, – Мориньер не знал. Да и ему это было безразлично. Его интересовал результат.

Мориньер усмехнулся: следствием сделанного им «открытия» стало то, что Бриан принялся ходить за ним по пятам. Готов был услужить чем угодно. Едва слышав очередное распоряжение Мориньера, бросался его исполнять. И не было больше никакой возможности его от этого отстранить.

Мориньер посмотрел на Обрэ. Тот крутил в руках деревянную ложку с причудливо изрезанным черенком.

– Не таким уж никчёмным оказался этот мальчишка, – проговорил легкомысленно Обрэ. – Вон каких узоров навыврезал.

– Не таким уж, – сухо ответил Мориньер.

*

Обрэ отдал Мориньеру эту ложку уже после того, как судно капитана Моленкура покинуло берега Новой Франции, после того, как он, Мориньер, окончательно пришёл в себя.

По зиме вернувшись в форт, он провалялся ещё какое-то время в постели. Восстанавливал силы, истраченные в пути. Справлялся с проклятым жаром, который не отпускал его всю дорогу. Лекарю Натаниэлю, преодолевшему вместе с ним долгий путь, пришлось немало потрудиться, чтобы снова поставить его на ноги.

И вот в один из первых после выздоровления дней к нему в комнату постучался Обрэ. Зашёл, улыбаясь смущённо.

– Простите, монсеньор, я к вам – с подарком.

– С каким подарком?

– Да вот... – он протянул ему ложку. – Бриан просил передать вам. Несколько дней ковылялся – всё вырезал что-то, поправлял.

Мориньер долго смотрел тогда на Обрэ. Потом протянул руку, взял ложку.

– Спасибо.

Вспомнил, как Моленкур, явившись к нему в Квебеке, произнёс:

– Монсеньор, Бриан умолял замолвить за него слово... Он просит позволения остаться с вами.

– Нет, – сказал тогда Мориньер.

Взглянул в глаза капитану.

– Нет, – повторил твёрдо. – Вы должны понимать, господин Моленкур, что это невозможно. Позволить ему остаться – всё равно, что самолично совершить убийство. В этой стране он не выживет.

Моленкур кивнул.

– Я сказал ему то же. Но он так настаивал.

Глава 8. Ужин с Обрэ

Сумрак за окном сменился темнотой. Бертен принёс свечи, разжёг посильнее очаг. Обнаружив, что его господин и Жак Обрэ о чём-то продолжают тихо говорить, сидя за столом, вернул на стол кружки и кувшин с вином. Мориньер поблагодарил его движением головы.

– Если устал, можешь ложиться спать, – сказал.

Бертен кивнул – хорошо. Вышел, прикрыл за собой дверь. Однако ложиться не стал. Уселся в соседней комнате, взялся чинить одежду. Вздыхал привычно, мечтал о времени, когда они смогут вернуться в Париж.

Думал: хорошо, что он подал в хозяйскую комнату вина. Беседа господина с этим упрямым-капитаном, кажется, грозила затянуться. А разве не приятнее вести её, когда есть чем промочить горло?

Он взглянул в затянутое бычьим пузырьём окно – будто бы можно было через него что-то рассмотреть. Подумал, поздно уже.

Большая часть обитателей форта уже спала. Бодрствовали только часовые на вышках, господин его с капитаном, да сам он, Бертен. С полчаса назад он прошёлся по форту, перебросился парой словечек с вахтенными, поглядел, что делается вокруг. Тишина над фортом стояла мёртвая. И не было в этом ничего странного. С тех пор, как они с хозяином вернулись в Сабин-Бопре, здесь так тихо каждую ночь. Это в прежние времена – как рассказывали ему матросы – они, случалось, играли в кости допоздна, рассказывали всякие байки, бывало, что и ссорились. Теперь на всё это у большинства не хватает сил. Долгие тренировки на морозе утомляют самых неистовых.

И сегодняшний день не был исключением. С самого утра все они ни на минуту не оставались без дела. Дежурные занимались хозяйством, остальных капитан отправил проверять расставленные на тропах силки и капканы. Потом все, как один, отработывали на площади продемонстрированные его господином новые приёмы. Неудивительно, что, намахавшись руками-ногами на морозном воздухе, а затем, выпив по чарке горячего грога да плотно поужинав, все с таким удовольствием, едва наступил час, бросились в свои постели.

Бертен усмехнулся. Никто сегодня, кажется, не пострадал слишком сильно. Но старик-лекарь, удостоверившись, что драка не нанесла здоровью его хозяина ощутимого вреда, отправился осматривать-лечить остальных. Те, в большинстве своём пытались отмахнуться: синяки да ссадины – вот беда! Но капитан Обрэ взглянул только – и все успокоились. Ну, раз надо – значит надо.

*

Бертен взялся вдевать в иглу нить. Щурился. Никак не мог попасть в ушко. Наконец, справившись с непослушной, выдохнул удовлетворённо. Вернулся к своим размышлениям.

Этот капитан великолепно управляется со своими людьми. Когда все они только поселились в форте, ещё можно было представить себе, что какому-нибудь из его парней придёт в голову замешкаться, получив приказ. Но с тех пор они сильно переменились.

Между собой матросы ещё, конечно, брюзжат втихомолку, случается. Но чтобы ослушаться – о том и речи быть не может. И Бертену кажется, что во многом это произошло благодаря его хозяину. И не потому вовсе, что тот взял на себя управление обитателями форта. Все приказы своему экипажу отдаёт Обрэ. Но сам капитан заметно переменился за эти полтора года. Стал спокойнее, увереннее. Будто набрался спокойствия и уверенности от его, Бер-

тена, хозяина. Даже замашки у них стали схожими. Обрэ и сам этого, возможно, не замечает. Но в движениях, в мимике, в интонациях то и дело проскальзывает нечто неуловимо схожее с движениями, мимикой, интонациями господина де Мориньера.

И Бертена это одновременно веселит и немного раздражает.

*

Ужин получился длинным. Разговор, который они затеяли во время него – ещё длиннее.

Мориньер видел, что Жак с каждой кружкой вина всё больше пьянеет, но не останавливал его, как и не мешал тому говорить. Все они, понимал он, какими бы сильными, уверенными в себе, непобедимыми ни казались, в конечном счёте, очень уязвимы. И эта уязвимость может открыться в самый неожиданный, самый неподходящий момент. Он наблюдал такое не однажды. Ссоры, драки, стрельба, дуэли. Всё это – результат того бесконечного напряжения, которое все они испытывают на этой земле. Запертые в стенах форта, вынужденные на этом небольшом пятачке постоянно общаться друг с другом, не имея возможности отгородиться от тех, с кем в иной ситуации ни за что не стали бы иметь дела, они все рискуют однажды потерять выдержку, лишиться хладнокровия. И если сегодня пришёл черед его пирата-капитана – так тому и быть.

Поэтому, выяснив про Леру всё, что было нужно, Мориньер позволил беседе течь как придётся. Сначала они обсудили проведённые учения, потом поговорили о запасах продовольствия, наконец, Обрэ рассказал о последней охоте. Потом замолчал на какое-то время.

И Мориньер молчал. Наблюдал, как Обрэ с мрачным видом крутит в руках деревянную, подаренную Брианом, ложку. Когда тот, положив её наконец на стол, спросил с едва заметной агрессией в голосе:

– Почему, монсеньор, вы не позволили Бриану остаться в форте? – он, Мориньер, только брови вскинул – изобразил удивление.

– Каким образом это касается тебя?

– В общем, не касается, – смутился Обрэ. – Но вы могли бы ответить.

Мориньер чуть склонил голову набок. Улыбнулся едва заметно. Даже если бы он вдруг решил теперь отвечать на вопрос Жака, ему некуда было бы вставить и слова, потому что Обрэ, тот самый Обрэ, который никогда не позволял себе ни одного лишнего вопроса или комментария, в этот вечер изменил своим принципам и говорил, практически не делая пауз.

Взялся вдруг рассказывать о том, каким чудесным мальчишкой был этот недотёпа Бриан, – в сущности, они и подтрунивали над ним так... ради смеха, а вообще-то ничего дурного не предполагали. Снова и снова допытывался, отчего Мориньер не позволил тому остаться, сетовал на то, что Бриану теперь и податься некуда. Говорил, что тот – сирота, живёт у тётушки, что та будет очень недовольна, когда мальчишка вернётся в её дом – без ремесла, без перспектив. Соглашался, что мальчишке нечего делать в море, но здесь, на суше, он мог бы...

Он говорил бы и говорил, если бы Мориньер не прервал его.

– Успокойся, – сказал, улыбнувшись. – Капитан Моленкур обещал позаботиться о нём.

Обрэ покраснел. Вскочил. Снова сел.

– Вы смеётесь? Я слишком много говорю, да? Возможно. Даже наверняка. Но вам придётся потерпеть, монсеньор, потому что я хотел ещё спросить... сказать... нет, всё-таки спросить.

Мориньер убрал с лица улыбку. Сделался образцово внимателен.

– Ну? Я слушаю.

Обрэ налил себе ещё вина. Сделал один глоток, потом второй. Наконец, опустил кружку на стол. Взглянул на Мориньера угрюмо.

– Я часто думаю... И давно хотел спросить вас... Меня очень беспокоит Мари.

– Что тебя беспокоит? – Мориньер сделал упор на слове «что».

Он задал свой вопрос легко, даже легкомысленно, как если бы речь шла о совершенно не важном, именно потому, что по лицу Жака видел, что тот вдруг стал очень напряжён.

Мориньер почувствовал – Обрэ дрогнул на мгновение. Засомневался, сумеет ли продолжить.

Заметив это, Мориньер поднялся, взял со стола одну из свечей, перенёс её на тумбу, установленную у изголовья кровати.

– Очень долгим сегодня получился вечер, – сказал негромко.

Давал возможность собеседнику отступить. Если бы тот передумал говорить, он мог бы воспользоваться случаем и распрощаться с ним, Мориньером, без малейшего для себя ущерба. Но капитан продолжал сидеть с жёсткой спиной. Не оборачивался. И Мориньер счёл за благо вернуться к столу. Уселся на своё место. Покрутил в руке трубку – будто раздумывал, закурить или не стоит.

Наконец, посмотрел на Обрэ. Тот уверенно встретил его взгляд.

– Меня беспокоит Мари, – повторил твёрдо.

Мориньер усмехнулся:

– Странную тему ты выбрал для обсуждения. Ты удивляешь меня, Жак!

– Вы отказываетесь говорить со мной, монсеньор?

Мориньер откинулся на спинку стула. Набил трубку табаком, закурил.

– Нет, не отказываюсь. Но уверен ли ты, что завтра не пожалеешь об этом разговоре?

Жак Обрэ покачал головой – не пожалею.

– Я всё время думаю о ней.

– Это нормально. Полтора года в разлуке – большой срок.

Обрэ покраснел. Скривил губы.

– Любовная тоска? Этим я не стал бы занимать ваше время. Я взрослый человек и в состоянии справиться с чувствами. Но я... я не могу справиться с сомнениями. И развеять их можете только вы. Или утвердить, превратить их в уверенность. Объявить мне, что я прав.

Мориньер продолжал безмятежно пускать к потолку колечки дыма. Молчал. Смотрел на Обрэ спокойно. Тот продолжил говорить:

– Я никогда не жалел о том, что встретил Мари и никогда не жалел и не пожалею о том, что мы поженились. Хотя меня и удивляло то, что вы тогда не воспротивились нашей свадьбе, несмотря на то, что имели возможность и, я уверен, интерес.

– Какой интерес?

– Мари работала на вас. Разве нет?

Мориньер улыбнулся.

– Допустим. Но что я мог? Когда вмешиваются чувства... – он развёл руками. – Ты преувеличиваешь мои возможности.

– Ничего я не преувеличиваю, – буркнул Жак. – Я думаю даже, что ещё не до конца в состоянии их оценить. Но это неважно. Важно другое. Я чувствую, что она не доверяет мне. Я многое про неё знаю. Кое о чём я могу догадываться. Я ведь не идиот. Мне с самого начала казалось... и теперь кажется, что она что-то скрывает от меня. Что-то постыдное. То, что, как она думает, может разрушить наши отношения. Но она не понимает, что их скорее разрушат ложь и недомолвки. Я пытался ей объяснить – она и слушать не хочет. Говорит, что я всё при-

думал, что я глупый ревнивец, что я всё порчу. И я подумал... вы не можете не знать. Скажите мне, она совершала что-нибудь... предосудительное... бесчестное? Что-нибудь, в чём она могла бы бояться признаться? Она что-то украла? Кого-то убила? Она скрывается от правосудия? Я не боюсь никакой правды. Я просто хочу знать!

Он вдруг уронил руки на колени. Замолчал. Уставился на сидящего напротив Мориньера. Тот покачал головой.

– О-о, – протянул.

Усмехнулся.

– Ты пьян сильнее, чем кажется со стороны.

– Я не пьян. А если и пьян... Пусть. Неважно. Я задал вам вопрос.

– Вопрос? – Мориньер докурил. Взялся выбивать трубку. – Ты забросал меня вопросами.

– Вы не хотите отвечать?

– Отчего же, я отвечу.

Мориньер оставил, наконец, трубку. Положил её рядом с собой. Плеснул себе вина.

– Я отвечу. Но сначала, расскажи мне о себе, пожалуйста.

– О себе? Разве вы, монсеньор, не знаете обо мне всего?

Мориньер снова улыбнулся.

– Если судить по вопросам, что ты задал мне минуту назад – я знаю тебя плохо.

– В них нет ничего дурного, – вскинулся Обрэ с укором.

– Разумеется, – Мориньер кивнул. – Так ты расскажешь мне? Например, ту печальную историю твоего ареста.

Обрэ, кажется, был удивлён. Но после минутного замешательства, всё-таки заговорил. Потускнел немного, ушёл в себя. Говорил, впрочем, ровно. Не раздумывал, рассказывал всё – как просил Мориньер. Наконец, остановился в растерянности:

– Что было потом – вы знаете. Вы ведь вытащили меня оттуда!

Мориньер смотрел на него – без улыбки. Обрэ показалось, что тот сделался неприступен и холоден.

– Вы молчите, монсеньор? Я рассказал недостаточно?

– Достаточно, – ответил Мориньер спокойно. – Вполне достаточно. Скажи, Жак, доверишь ли ты мне?

– Как вы можете спрашивать, сударь?! – воскликнул Обрэ.

– Тогда объясни, – Мориньер смотрел на него, не отрываясь, – почему, рассказывая мне свою историю, ты умолчал о том, как рвало тебя после очередного приёма пищи в камере на заплесневелую солому, которая была одновременно твоей постелью? Почему не рассказал о том, как били тебя твои тюремщики, требуя назвать имена сообщников? Почему не стал говорить о том, как мочились вы в угол камеры, потому что не могли больше терпеть, а ведра вам не принесли? Почему не рассказал о крысах, что бегали каждую ночь по вашим телам? О звёздах, которые вы выискивали в маленьком окне во всякую ночь, проведённую без сна? О страхе, который терзал тебя те два месяца, что ты пробыл в Нантской тюрьме? Почему?

Обрэ смотрел на него. Молчал.

– Ты не понял вопроса?

– Я понял ответ.

Мориньер кивнул. Поднялся. Задержавшись на мгновение за спиной Обрэ, положил руки ему на плечи.

– Доверие, Жак, – штука взаимная. Пока ты требуешь доказательств доверия, ты его не заслуживаешь.

Обрэ повернул голову, взглянул снизу на стоявшего Мориньера. Тот обошёл стол, присел на табурет сбоку, чтобы Обрэ не приходилось задирать голову.

– И ещё одно... Коль скоро мы сегодня заговорили о Мари. Ты собираешься в Бретань. И рассчитываешь, надо полагать, застать Мари в том домике, в котором оставил её. Возможно, она тебя там в самом деле дожидается. Но если её в доме не окажется, поезжай в Париж. Там ты её найдёшь.

– Вы знаете что-нибудь о ней? Она собиралась уехать? – Обрэ выглядел подавленным. Мориньер покачал головой.

– Не знаю. Но могу предполагать. Мари – актриса. И она не привыкла к одиночеству. Ты оставил её одну. Она, безусловно, будет стараться выдержать. – Мориньер улыбнулся. – Но если ожидание покажется ей нестерпимым, она наверняка захочет вернуться в театр.

Глава 9. В новом доме

Уже который час они брели по ночному лесу. Шли напролом – после многодневных снегопадов бессмысленно было искать тропы.

Не разговаривали – говорить было не о чем.

Клементина несла на себе Вик. Леру шёл впереди, тянул за собой наспех сооружённые волокуши – две большие ветви, соединённые между собой обрывком кожаного ремня.

Клементина оцепенела от ужаса. Шла, механически переставляла ноги. Вглядывалась в оставляемый волокушами след. Двигалась вперёд. Не вспоминала случившееся, не думала о будущем.

Первую пару часов пути она ещё надеялась, что Леру знает, куда ведёт их. Во время одного из привалов он лишил её этой надежды. Рассмеялся хрипло, когда она спросила, долго ли им ещё идти. Сказал: зависит от того, что случится раньше – иссякнут силы или обнаружится хоть какое-то убежище. Если бы не Вик, у неё, Клементины, случилась бы истерика. Она готова была разрыдаться. Но девочка спала у неё за спиной. И она удержалась. Не произнесла ни слова. Только схватила за горло, опустила на колени.

Он подошёл, поднял её.

– Не садись, – сказал сурово. – Отдышись, и пойдём дальше. Сядешь – силы оставят тебя.

*

Они должны были благодарить судьбу за то, что остались живы. За то, что огонь – тот, что лишил их крова, – прежде чем охватить пожаром весь дом, ласково, словно преданный пёс, лизнул языком её руку. Она проснулась в тот момент, когда уже схватились огнём шкуры, расстеленные на полу, но – слава Богу! – до того, как пламя отрезало им путь к отступлению.

В этот же самый момент подскочил на своём лежаке Леру. Ему не надо было ничего объяснять. Он схватил Вик, обернул в одеяло, сунул девочку ей, Клементине, в руки. Вытолкал их за дверь. Вынес бочонок пороха, отнёс подальше.

Потом возвращался и возвращался в дом. Уже занялась крыша, запылала пристройка, а он всё никак не останавливался. Выхватывал из огня всё, что мог: ружьё, мешок с пулями, котелок, шкуры. Швырял спасённое на снег. Снова бросался в огонь.

Она тоже хотела помочь. Усадив Вик, завернутую в меховое одеяло, в сугроб, она кинулась в дом. Сдёрнула несколько мешков с травами, сохнувших на стене, взялась за волчью шкуру. Леру выдернул из её рук шкуру, выпихнул её саму наружу.

– Не входи! – крикнул.

Снова вернулся в дом.

В какой-то момент надолго задержался внутри. Клементине показалось, что прошла вечность, прежде чем он появился в дверном проёме.

Она бросилась к нему.

– Благодарение Господу! Вы живы!

Он оттолкнул её:

– Иди к дочери! – закричал. – Где ты оставила её?!

В этот момент – она не забудет эту минуту до конца своей жизни – Клементина вспомнила вдруг о доверенных ей отцом д'Эмервилем бумагах. Она закричала, кинулась в дом. Леру ухватил её за талию.

Клементина рвалась из рук:

– Там бумаги! Записи! Пустите!

– Прекрати брыкаться, дура! – прорычал он ей в ухо. – Какие ещё бумаги! Они трижды сгорели уже!

Какое-то время он удерживал её. Потом снова швырнул в снег.

– Убирайся! Ты мешаешь мне!

Впрочем, в этот момент он понимал уже, что больше ничего сделать не может. Отошёл в сторону, прислонился к стволу высокой, распластавшей над ним свои ветви, сосны. Смотрел мрачно на огромный костёр, пожирающий их дом.

Клементина подошла к нему, держа Вик на руках. Встала рядом.

– Простите! – произнесла едва слышно. – Это я виновата!

Он отмахнулся. Взглянул на девочку.

– Закутай ребёнка получше. Мороз собачий.

*

Пожар был в самом деле на совести Клементины. Она заснула, сидя у очага.

Со времени болезни Вик они не гасили огня. Боялись снова простудить девочку – слишком сильно вымораживался к утру дом.

Спали по очереди. В этот час бодрствовать должна была Клементина. Но она, измученная бессонными ночами, согревшись у очага, задремала. Ненадолго и некрепко. Ей казалось, прошло каких-то несколько мгновений. Но их, если это и в самом деле были мгновения, хватило для того, чтобы выскочивший из очага уголёк превратил их дом в груды пепла.

И, осознавая свою вину, она готова была выть от отчаянья. Но слёз не было. И слов – тоже.

Она просто сделала, как сказал Леру: закутала, завернула Вик в одно из спасённых траппером одеял, привязала её на спину. К тому времени Леру соорудил волокуши, уложил на них всё, что сумел вынести из огня. Бросил к её ногам снегоступы.

– Идём, – сказал. – Здесь больше нечего делать.

*

Леру вёл их через лес к одному из маленьких охотничьих домиков. Вёл почти наугад.

Он ночевал в нём однажды, в позапрошлом году по весне, когда в пылу охотничьего азарта зашёл слишком далеко. Весной он провёл в том доме всего одну ночь. И теперь шёл, надеясь, что сумеет найти его и что тот окажется в порядке. Но давать преждевременную надежду бредущей позади него женщине не хотел.

Такие пустующие домики – не дома, а скорее хижины – встречались изредка в этих местах. Небольшие и не слишком хорошо приспособленные для зимовки, они тем не менее не раз выручали охотников.

В них трапперы находили так необходимые им для жизни еду и тепло. В них пережидали метели, набирались сил, залечивали раны.

Каждый, кто приходил в такой дом, мог воспользоваться всем, что в нём находилось. Каждый же, покидая его, оставлял в нём всё, что мог позволить себе оставить. Так было принято.

И Леру теперь думал: если он сумеет вывести их к нужному месту, они спасены.

Конечно, впереди их ждут очень трудные времена. У них почти совсем не осталось провизии. То, что ему удалось вытащить из пристройки до того момента, как там всё запылало, – не в счёт. Этого хватит на несколько дней – не больше. Но хуже всего то, что девочка опять осталась без еды. Он боялся, что Клементина поймёт это до того, как они доберутся до места, где смогут передохнуть. Паника могла лишить её последних сил. Поэтому он всё прислушивался и прислушивался к тому, что происходит позади него. Время от времени оглядывался. Ребёнок, судя по всему, спал. Женщина шла, опустив голову, уткнув взгляд под ноги. Он не видел её лица, но понимал степень её теперешнего бесчувствия. И надеялся только на то, что оно продлится до того момента, как они переступят порог их нового дома.

*

Он мог бы гордиться собой. Ему удалось выйти к нужному месту, пройдя по самому короткому пути. Они пересекли по льду небольшое озерко – берега его густо поросли осокой, которая теперь, засыпанная снегом, выглядела зимней крепостью, сооружённой детворой для игр.

Выйдя на берег, они шли ещё какое-то время вокруг озера, держались его края. Добредя до зарослей ивняка, двинули вглубь леса. Прошли строго на запад около полумили. Уткнувшись в скалистый выступ, свернули. Ещё около получаса ушло на то, чтобы обойти его, пройти, держа этот выступ по правую руку. Потом по достаточно пологому склону подняться вверх. Тропы, по которой он поднимался в прошлый раз, теперь совсем не было видно. Но Леру знал: ещё полсотни шагов и там, среди молодых сосен, должна быть хижина – маленькая, неказистая.

Дом, в котором они смогут дождаться весны.

*

Когда они двинулись по тропе, уже стало совсем светло. И Леру, сделав несколько шагов вверх, остановился, обернулся. Смотрел, – ему теперь было прекрасно видно – с каким трудом, хватаясь за ветви, сцепив зубы, шла за ним женщина. Он смотрел на неё и понимал: если сейчас окажется, что дом развалился, сгорел, пропал, она не сможет больше сделать ни шагу. Оттого сам вдруг испугался. И какое-то время, пока она поднималась, стоял, не решался двинуться вперёд. Когда она дошла, встала рядом с ним, он посмотрел ей в лицо.

– Что? – спросила она. – Что вы так смотрите?

Он улыбнулся.

– Ты молодец!

*

Дом был. Стоял на прежнем месте, щерился на свет пустым дверным проёмом. Укрытый снегом, он скорее походил теперь на логово зверя, чем на человеческое жильё. И всё-таки это был их дом.

До того, как женщина вошла в хижину, он ещё проверил, не поджидает ли их там какая-нибудь опасность.

Остановил её, загородил рукой проход. Поднял с волокуш ружьё, зарядил его. Шагнул осторожно внутрь. Через мгновение вышел. Кивнул:

– Всё в порядке.

*

Он, впрочем, сильно преувеличивал. Как раз порядка-то в доме и не было. И Клементина, войдя внутрь, остановилась у порога. Вглядывалась в темноту. От двери ей было видно немного – развороченный очаг, пара опрокинутых табуретов, какие-то осколки на полу. Дальше – темнота.

– Росомаха, похоже, – сказал Леру спокойно, оглядывая устроенный внутри разгром. – Перевернула всё и ушла. Мерзкий зверь.

В это время за спиной закопошилась Вик. Проснулась, наконец. Засучила, застучала по спине ногами, захныкала. Леру освободил девочку из плена, развязал ремни, взял её на руки.

– Спокойствие, – сказал весело. – Не реви! Сейчас всё будет.

Она притихла – поняла будто. Смотрела распахнутыми глазёнками на него, на мать.

– Она голодна... – тут Клементина и пришла в себя.

Раскрыла рот, замерла. В глазах мелькнул ужас. И он понял: момент, которого он боялся, наступил.

Леру сунул ей Вик в руки.

– Держи. Я разведу огонь.

Она вздрогнула. Кивнула. Прижала ребёнка к себе.

Он успел отойти от неё, склониться к очагу, когда Клементина спросила шёпотом, панически:

– Что же теперь делать?

Он поднял голову, взглянул на неё. Произнёс нарочито небрежно:

– А что изменилось? Как и прежде я буду добывать пищу, а ты – следить за домом. Ты ждала чего-то другого?

Клементина не заметила иронии.

– Но Вик... Чем её кормить?

Он хмыкнул, пожал плечами. Поправил, вернул на место очередной камень в очаге.

– Будет привыкать к бульонам и мясу. А тебе придётся только больше и лучше прежнего жевать.

Она смотрела на него непонимающе.

– Ты видела, как кормят своих детёнышей хищники? – он готов был к этому объяснению, потому что всю дорогу только об этом и думал.

Клементина покачала головой. Он махнул рукой:

– Вот так и кормят. Будешь разжёвывать хорошенько и давать разжёванное дочери. Что тут непонятного?

Он разозлился вдруг – огонь никак не хотел разгораться. И Клементина продолжала стоять у входа – застила ему свет. Хорошо ещё, что девчонка молчала. Хотя он понимал, что та давно была голодна.

Наконец, пламя вспыхнуло. И он, повернувшись к Клементине, произнёс:

– Ну, хватит там изображать скорбь. Займись делом.

*

Не раз за последнее время Клементина вспоминала отцовское: «Человек всё может выдержать». Удивлялась созвучию этих слов со словами отца д'Эмервиля: «Каждому даётся по силе его».

Думала: неужели они правы? Неужели она действительно может всё это вынести?

Она могла. С того самого момента, как она вошла в этот странный дом, с той минуты, как она, набрав в котелок снега, бросила в него горсть бобов, спасённых Леру из огня, она больше не испытывала сомнений. Страхи мучили её, сомнения – нет.

Они довольно быстро обжились в доме. Да и требовалось им – всего ничего.

Леру вернул на место дверь, заменив истёртые порванные кожаные петли на новые. Нарубив ельник, соорудил для них постели. Клементина убрала с пола осколки, подмела пол.

Жизнь продолжалась.

Только какое-то время Клементина не находила в себе сил взглянуть в лицо Леру. Ей казалось, он не замечает этого. В том, что это не так, ей довелось убедиться довольно скоро. Она, как всегда возилась с обедом, когда он подошёл к ней. Остановился за её спиной.

– Встань, – сказал тихо.

Она поднялась. Обернулась. Он ухватил её за шею, заглянул в глаза.

– Пожары на этой земле случаются не так редко. Так что прекращай себя винить. Делу это не поможет.

Она расплакалась. Уткнулась носом в его плечо.

– Я заснула всего на пять минут.

Он улыбнулся.

– Когда в прошлый раз сгорел мой дом, я вообще не спал.

– Не спали? Как же это получилось?

Он ухмыльнулся.

– Э-э... не важно.

*

Уже на следующее утро Леру ушёл на охоту. Расставил силки и капканы. Сам взял ружьё и отправился на поиски дичи. Но ему не везло. За неделю ему удалось лишь однажды подстрелить лисицу, да вынуть из силков пару зайцев. Третьего, запутавшегося в петле, успел подрасть волк. Так что Леру оставил остатки волчьей трапезы на тропе в качестве приманки. Хоть шкуру добыть, если не мясо.

Они ещё не голодали. Но и оставлять про запас было нечего.

Потом снова навалились метели. Несколько дней дул сильный ветер. Свистел в кронах. Выл, вторя ополоумевшим от голода волкам. Клементина, слыша этот утробный вой, ёжилась, сидя у огня в обнимку с Вик.

Снег сыпал – с утра до ночи и с ночи до утра.

Потом потеплело. Ветер немного стих. Перестал быть порывистым. Стал даже как будто ласковым – так мать дует ребёнку на чёлку, желая вызвать улыбку. Но людям было не до улыбок. Они были измучены долгой зимой и обеспокоены тем, что ожидало их впереди.

*

Озабочен был и Леру. Несколько особенно ненастных дней он не покидал дома. Выходил недалеко – до расставленных силков. Но все они были пусты. Далеко идти не решался – от болезненного жара, наваливающегося на него ближе к ночи, ломило, выкручивало суставы. Он надеялся, что несколько дней передышки добавят ему сил. И очень старался, чтобы нездоровье его не стало заметно. В этом, последнем, он вполне преуспел. Но лучше ему не становилось.

К вечеру четвёртого дня стало ясно, что больше ждать нечего. Всё мясо закончилось, бобов осталось – на одну-две готовки. Клементина молчала. Не спрашивала больше: «Что же теперь будет?» – но вопрос этот стоял в её глазах.

Утром пятого дня Леру стал собираться.

Клементина подняла голову, едва он взялся за ружьё.

– Метель, – сказала, будто он не знал.

– В метель охотиться даже удобнее, – ответил. – Зверь ближе подпускает.

Посмотрел на неё.

– Не бойся. Я вернусь.

Клементина боялась. Страх в последнее время вообще не отпускал её. Она боялась огня, боялась ночи, боялась смотреть на дочь, которая с каждым днём все больше истаивала. Вик ела – пила отвары, съедала, сглатывала разжёванное матерью мясо. Но глаза теперь казались огромными на её исхудавшем личике, ручки становились всё тоньше, а кожа всё прозрачнее. И Клементина не видела способа что-то изменить.

А ещё она очень боялась остаться одной.

Оттого, когда Леру, собравшись, приостановился на мгновение на пороге, обернулся, она бросилась к нему.

– Пожалуйста... пожалуйста, возвращайтесь.

Он потрепал её по щеке.

– Я же сказал, что вернусь.

К вечеру снова задул сильный ветер. И снег западал влажный, густой. Валил крупными хлопьями, засыпал всё кругом.

Деревья стали тяжелы. Ветки прогибались под весом снега, опускались до земли.

Клементина, пока не было Леру, несколько раз выходила из дома. Спускалась по тропе вниз, выискивала взглядом хоть что-то, что могло бы пригодиться ей в качестве снадобий. Собрала небольшой мешок сосновых иголок и шишек, ободрала кору у вяза – на несколько кусков у неё ушли все силы. Вернувшись в дом, сделала отвар из игл. Санлата рассказывала, что зимой он лучшее средство для укрепления сил.

Долго перетирала кору – отвар из коры вяза заживлял раны.

Делала, что могла – мечтала избавиться от этого чудовищного чувства беспомощности, сводящего её с ума.

Леру не возвращался.

Глава 10. Охота

Леру рассчитывал провести в лесу одну-две ночи. В его состоянии ночёвки на морозе были небезопасны, но он знал, что наверняка не успеет вернуться домой раньше.

*

Леру рад был бы любой добычей. Но он понимал, что заяц, белка или енот не спасут его и его женщин от голода. Безусловно, один-два дня относительно сытой жизни – тоже немало. Но он решил пойти ва-банк. Задумал добыть лося.

Если ему это удастся, если удастся завалить зверя, он обеспечит свою семью едой на много дней. И заработает себе право отдышаться, отдохнуть, выздороветь.

Приняв решение, Леру направил свои стопы на восток – туда, где охотился много зим подряд. Там, на берегу озера, он рассчитывал найти лосей. Собираясь группами, те устраивали стойбище то в густом ивняке, то уходили чуть правее, в ельник. Протоптав густую сеть троп, они паслись обычно на выбранном ими пятачке, сохраняли силы. Отлёживались.

Он надеялся застать их там. Но ему не повезло. Лоси ушли.

Бесконечные метели намели слишком глубокие сугробы. И животные покинули привычные места, убрались вглубь лесов.

Обнаружив это, Леру и не подумал о том, чтобы повернуть домой. Он не мог возвратиться с пустыми руками. Поэтому, несмотря на неудачу, он продолжал идти вперёд. На второй день ему удалось подстрелить зайца. Поужинав им, он почувствовал себя немного лучше.

К исходу третьего дня Леру наткнулся на припорошённый след не слишком крупного лося-одиночки. Пошёл по нему – не быстро, но с упрямой настойчивостью.

Он доберётся до лося. Непременно доберётся.

Это «непременно доберётся» стучало в его голове набатом. Кажется, он даже примерял к этому набату шаг. Так было легче идти.

*

Уже сгустились сумерки, а Леру всё шёл. Боялся, что эту и так едва заметную нить следов укроет снег.

Когда снегопад прекратился, позволил себе короткий отдых. Едва рассвело, снова двинулся в путь.

Леру с трудом переставлял ноги. Усталость и нездоровье ослабили его значительно, чем он мог ожидать. Но он не готов был отступить.

К тому же он видел, что и лось чувствует себя не слишком хорошо. Со временем Леру удалось приблизиться к животному. И теперь он, отслеживая оставляемые лосём отметины на белом полотне, мог с уверенностью утверждать, что тот очень слаб. Лось двигался тяжело. Временами проваливался под наст. Недоступал задними ногами, шёл, как ходят стельные самки.

В целом, самка это или самец – не имело никакого значения. Но Леру почти был убеждён, что перед ним молодой самец – копыта передних ног были невелики, но острые. Да, самец. Только очень истощённый или раненный. А скорее – и то, и другое.

Убедиться в последнем Леру удалось довольно скоро – когда, обрушив настовую корку, провалившись глубже обычного в сугроб, лось окрасил снег красным.

Крови было немного – она не так текла, как по капле сочилась со спины лоса. Из чего Леру сделал вывод, что, скорее всего, на молодого двух-трёхгодовалого самца напал хищник. Неудачный прыжок росомхи или рыси, подумал Леру. Это они обычно поджидают свои жертвы на ветвях деревьев. Бросаются сверху.

В этот раз, судя по всему, удача изменила хищному зверю. Возможно, и сам он был болен или истощён.

Леру ещё раз оглядел выпачканный в крови снег. Судя по всему, раны были не слишком глубоки, но они, несомненно, доставляли лосю много неудобств.

*

К полудню снова пошёл снег. Леру счёл снегопад благом. Он и прежде был уверен в том, что не упустит зверя. А теперь, наблюдая за тем, какими неуверенными сделались шаги животного, как стал он вилять из стороны в сторону, двигаться зигзагами, то и дело приостанавливаясь, утаптывая снег то у одного дерева, то у другого, Леру понимал: развязка близка. Животное устало.

В это время они оба двигались по краю леса, чуть в глубине его. Направление ветра, в целом, благоприятствовало охотнику. Но Леру видел, что лось какое-то время назад почуял погоню. Зверь пытался прибавить шагу, но сил не хватало. Каждая попытка сделать рывок вперёд заканчивалась тем, что измученный лось проваливался в сугроб. И потом ему требовалось гораздо больше усилий, чтобы выбраться, снова взять шаг.

По правую руку от Леру вилась река. Не слишком широкая, но, судя по всему, в летнее время весьма бурная. Берег, на котором теперь находились охотник и его добыча, был крутым. Лес практически вплотную подходил к реке. И Леру ушёл немного вглубь. Пошёл параллельным с лосём курсом, прижимая того постепенно к кромке леса.

Леру видел его уже. Временами между стволами, при свете пепельно-серого дня, мелькало тёмное тело зверя. Несколько раз Леру собирался стрелять. Но никак не решался. Он не хотел рисковать. Выстрел должен быть один.

Поэтому ещё какое-то время он шёл за лосем. То приближался к нему, то немного отходил в сторону. В какой-то момент направился наперерез. Он не планировал того, что произошло. Но не мог не признать, что случившееся значительно облегчило ему победу. Только выбравшийся из очередной снежной западни лось, завидев охотника, метнулся в сторону – туда, где по его представлению был простор и относительно твёрдая под ногами земля. Другими словами, он выскочил из чащи на берег – высокий скалистый берег, который прямо тут, в нескольких шагах от кромки леса обрывался, уходил вниз к неровному, будто собранному в складки, речному льду. И, попал неловкой ногой в укрытую снегом расщелину, повалился, перевернулся, взметнув длинными ногами в воздухе, исчез за скалистым краем.

Леру спустился по крутому склону вниз в нескольких шагах от зверя. Тот смотрел на него огромными глазами. Тяжело дышал. Из ноздрей его валил пар. Лось больше не пытался встать. Да он бы и не смог.

Леру, взглянув на него, проговорил негромко:

– Прости.

И вскинул ружье.

*

Потом, взяв, наконец, направление к дому, таща за собою добычу, он всё вспоминал это «прости». И удивлялся себе. Странная, думал, чувствительность. Нелепая даже. Видно, он совсем ослаб, коли взялся просить прощения у собственного обеда.

Но, думая так, он отчего-то не ухмылялся. Шёл, упорно глядя под ноги. Тянул волокуши. Считал шаги.

Он шёл и с каждым преодолённым льё всё чаще думал о том, что взял на себя непосильную ношу. Теперь, когда главным для него стало дойти обратно, он стал отчётливо понимать, что с частью добытого придётся расстаться.

*

На следующий день, во время очередного привала, он отвязал один из мешков. Подвесил его к толстому суку. Это не давало ровным счётом никаких гарантий. Лишь немного снижало вероятность того, что мясом успеют полакомиться звери прежде, чем он за ним вернётся.

Передохнув, двинулся дальше. Он устал так, как не уставал никогда до сих пор. Шёл напрямик. Сокращал, как мог, путь. Если повезёт, думал, он успеет добраться до дома ещё до рассвета. Если повезёт. Если он не станет устраиваться на ночлег. Если дойдёт.

Эти бесконечные «если» кружились в голове. Мешали думать. Несколько раз он терял равновесие, спотыкался, падал. В последний раз упал особенно неудачно. Не успел сконцентрироваться, собраться. Свалился, ободрал лицо ледяной коркой.

Наступили сумерки. А он всё раздумывал, как быть.

Стоило бы, наверное, соорудить «нору», закопаться в снег, переждать хотя бы несколько самых тёмных ночных часов внутри. Тем более, что снегопад не прекращался. А ветер, хоть мороз был и не слишком силён, становился всё более пронизывающим. Но Леру опасался, что, заснув, не сумеет проснуться.

Конец сомнениям положило крайне неприятное происшествие. Пересекая реку, он, измученный горячкой и долгим, утомительным переходом, не заметил едва подёрнутой тонкой плёнкой льда, присыпанной снегом полыньи. Если бы не выработанные за годы жизни в лесу рефлексy, которые заставили его действовать ещё до того, как он понял, что произошло, он бы провалился под воду вместе с волокушами и всем, что с таким трудом добыл. Но он сделал то, что должен был: отпустил груз, выхватил из-за пояса нож. С величайшим трудом выполз на лёд. Не поднимаясь, развернулся лицом к полынье.

Волокуши почти целиком ушли под воду. И течение старательно и неуклонно утягивало их всё дальше. Окончательно унести их мешала лосиная шкура, которая, развернувшись с одного конца, зацепилась за кромку льда. И Леру схватил её коченеющей рукой, подтянул повыше. Подполз ближе, прижал её грудью. Нашупал, лёжа на животе, под водой кожаный ремень, которым один из мешков был привязан к волокушам. Медленно, очень аккуратно, подведя лишённый кисти обрубок руки под ремень, подтянул его повыше. Ухватил зубами жгут, которым было стянута горловина мешка. Здоровой рукой обрезал ремень, одновременно освободил шкуру, скатился с неё в сторону, так что весь остальной груз отправился подо льдом по течению. А в зубах его остался один, последний, мешок.

Леру вытягивал его ещё какое-то время. Медленно. Осторожно. Боясь, обломать тонкий лёд. Наконец, вытащив, отшвырнул в сторону.

Отполз сам. И уже там, свернувшись в комок, завыл, застонал, зарычал от боли, холода и разочарования.

Впрочем, на переживания не было времени. Теперь не могло быть и речи о ночёвке. Он забросил мешок на плечи. И пошёл вперёд.

Одежда на нём скоро сделалась твёрдой, чуть позже он перестал чувствовать ноги. Но он шёл, сцепив зубы. Спускался в овраги, поднимался вверх. Пересекал ручьи. Он знал уже эти места. И знание это давало ему силы.

Он дошёл, когда месяц на небе уже стал светлеть. Дошёл. Толкнул дверь и упал на пороге.

Глава 11. Меж тем в Квебеке

Мориньер делал всё последовательно, как и планировал. Сначала отправился в Труа-Ривьер. Передал коменданту обещанное тому оружие, получил в своё распоряжение две дюжины молодых солдат. Потом, держась самого берега, трижды останавливаясь на ночёвки, во главе этой бойкой компании добрался до Квебека.

Он собирался сразу же отправить солдат в Сабин-Бопре. Однако на середине пути из Труа-Ривьер в Квебек – передумал. Приказал всем отправляться в форт, расположенный на противоположной стороне Святого Лаврентия, и дожидаться там дальнейших от него указаний.

Побеседовав в Труа-Ривьер с комендантом, проведя с этим плутоватым военачальником вечер за богато накрытым столом, опустошив на пару с ним несколько бутылок прекрасного вина, Мориньер пришёл к выводу, что эта самая пара дюжин смелых, готовых к бою солдат может понадобиться ему и тут.

До момента, когда Жаку Обрэ с командой будет необходимо покинуть форт, ещё оставалось время. Так что Мориньер ничем особенно не рисковал и не нарушал никаких планов, оставляя отряд близ Квебека.

*

Добравшись до города, он с Бертенем явился к Севераку.

Тот встретил Мориньера на лестнице – собирался выходить из дома. Увидев гостя, переменил планы. Приказал слугам заняться обедом. Поручил Бертена их вниманию. Сам провёл Мориньера в гостиную.

Едва слуга закрыл за ними дверь, воскликнул горячо:

– Слава Богу! Я уже устал считать дни!

– Не рано ли вы начали считать? – засмеялся Мориньер. – До того, как первое судно сможет покинуть эти берега, пройдет ещё не меньше двух-трёх месяцев.

– Я считал дни до вашего появления в городе, – ответил Северак. – Если бы я не знал о ваших планах посетить Квебек, я послал бы к вам гонца с письмом. Или отправился бы сам.

– Вот как? – улыбка сошла с лица Мориньера. – Что же заставило вас так волноваться?

– О волнении речь не идёт! Просто я считаю, что вам следует быть в курсе.

Тут Северак спохватился:

– Простите. Я совершенно забыл о приличиях. Вы устали, а я набрасываюсь на вас с этими новостями.

– Я вполне в состоянии одновременно отдыхать и слушать, – ответил Мориньер, опускаясь в кресло. – Говорите.

*

О многом он уже знал. Кое о чём – догадывался. О конфликтах, случавшихся между могавками и оттава, он слышал и раньше – они происходили регулярно. О новом витке обострений ему поведал на днях комендант Труа-Ривьер – во время того самого памятного ужина.

Рассказал тот, коротко говоря, следующее: к северу от Виль-Мари в последние месяцы стало опять очень беспокойно. Оттава – «высокомерные жулики», как назвал их комендант Труа-Ривьер, – снова поссорились с могавками.

Бассейн Святого Лаврентия вообще был постоянной ареной для битв между ирокезами и народами, ныне проживавшими на этой территории. Ирокезы, полагавшие себя безусловными хозяевами этих земель, немало досаждали местным племенам: нападали на деревни, устраивали засады на волоках. Требовали подчинения. Собирали дань.

Оттава то платили, то вдруг принимались сопротивляться. Длилось это не первый год. И в другое время не стоило бы ни особого внимания, ни обсуждений.

Одни из первых открывшие выгоду торговли с французами оттава с тех давних пор не переменили своего мнения. И по-прежнему с готовностью торговали: обменивали меха на металлические котлы, ножи и топоры. Потом все эти французские товары они перепродавали остальным племенам, проживающим на этой территории. При этом оттава не гнушались никакими средствами для получения дополнительного заработка. Они часто обманывали своих соседей-индейцев, мошенничали при обмене мехов. Случалось, просто нападали на деревни, выстроенные соседскими племенами, и грабили их.

Контролируя верховья Святого Лаврентия, ирокезы очень мешали торговле оттава. Опасаясь стычек, те вынуждены были игнорировать эту великолепную водную дорогу, идти со своими мехами в Квебек и Виль-Мари гораздо менее удобным путём – севернее Святого Лаврентия, через систему многочисленных, крайне тяжёлых волоков. Это, безусловно, раздражало торговцев.

В этот раз, надо полагать, раздражение это достигло предела, за которым неминуемо начинаются всякие войны. Дальше всё происходило следующим образом: оттава, посчитав, что сил их недостаточно для того, чтобы справиться с могавками, обратились за помощью к алгонкинам, населявшим земли Квебека. Могавки, в свою очередь, объединились с сенеками. Последние, выйдя на тропу войны, не особенно долго раздумывали над стратегией и тактикой этого привычного для них военного союза. В первые же дни напали на главное поселение оттава и сожгли его, вырезав всех жителей до единого. Могавки, которые всегда хотели приструнить наглецов, нахально расселившихся на их исконных землях, к милосердию были склонны ничуть не более сенеков.

Наконец, оттава, которым удача в этой войне явно отказывалась улыбаться, посчитали, что союза с алгонкинами для их победы над ирокезами – недостаточно. И обратились к французам.

*

Безусловно, отношения между французами и оттава были вполне дружественными. И «дружба» эта устраивала французам.

Но до недавнего времени этого было недостаточно для того, чтобы французы сочли возможным, а, главное, полезным для себя – вмешиваться в распри, то и дело возникающие между оттава и ирокезами. При старом военном губернаторе французы благополучно избегали битв, которые не касались их напрямую.

С тех пор, как военным губернатором Квебека стал Клод де Жерве, всё изменилось.

О том, что последний решил поучаствовать в этой затее, которую называл «великолепным способом покрыть французов неувядающей славой» – и рассказывал теперь Северак.

– Господин де Жерве обещал оттава поддержку. В качестве доказательства серьёзности своих намерений он уже отправил несколько военных групп в леса с целью обнаруживать и уничтожать деревни могавков. Но кроме этого он собирает теперь отряд числом, как он утверждает, не менее пятисот человек, чтобы по весне отправить их на север, на помощь к оттава.

Мориньер слушал спокойно. Только, услышав о количестве воинов, которых готовился собрать под свои знамёна Клод де Жерве, он приподнял бровь:

– Где он собирается брать для этого людей?

– Возможно, какую-то часть будут составлять индейцы, но в любом случае, это означает, что Квебек весной окажется практически беззащитным.

Мориньер кивнул.

Он понял всё, что хотел ему сообщить Северак. И теперь думал, что пришло время ответить его величеству на вопрос, который тот задал ему, Мориньеру, почти два года назад: «Не пора ли распустить Компанию поселенцев и утвердить новые, более эффективные, структуры власти?»

Ещё год назад Мориньер не был готов ответить на этот вопрос положительно. Сегодня же он был уверен: да, необходимо, наконец, учредить королевское управление Новой Францией. Если его величество хочет, чтобы колония развивалась, ему следует найти силы и средства на поддержку колонизации. Прислать войска, посадить на руководящие посты толковых людей. Иначе в самое ближайшее время французов выбьют с этой земли – не одни, так другие. Не ирокезы, так англичане.

А до тех пор, пока решится вопрос с передачей Новой Франции под управление Короны, им, французам, живущим на этой земле, надо суметь сохранить мир. Или хотя бы слабое его подобие.

*

Мориньер дождался, пока слуги приготовят ему комнату. Потом, извинившись перед хозяином дома, отправился туда. И в течение пары часов не показывался – разбирал привезённые документы, изучал карту, писал письма. Наконец, вышел.

– А что, Жан-Луи, – спросил, входя в кабинет хозяина дома, – всю ту информацию, что вы обрушили на меня, вы получили от господина де Грасьен?

– Нет, – качнул головой Северак. – Господин де Грасьен, вы знаете, не очень жалуется. Мы едва раскланиваемся. Меня это удивляет, признаюсь. Совершенно не могу припомнить, когда и чем я мог бы оскорбить вашего друга.

Мориньер пропустил последнее замечание мимо ушей. Он не готов был всерьёз объяснять Севераку, что антипатия, которую испытывал к тому Филипп де Грасьен, зиждется на нелепой, дурацкой, из детства идущей ревности.

– Да, я помню, – ответил рассеянно. – Скажите, в доме с ним теперь кто-нибудь живёт?

– Да. Всё та же девица, насколько я знаю.

– Удивительное постоянство, – усмехнулся Мориньер. – Вы не будете возражать, в таком случае, если я останусь на эту ночь у вас?

Северак пожал плечами:

– Вы удивляете меня, сударь. Должен ли я снова говорить о том, что вы можете чувствовать себя здесь, как дома?

– Нет, не должны. Но могли бы позволить мне быть вежливым, – засмеялся Мориньер.

*

Мориньер улыбнулся, вспомнив выговор, который устроил ему разгневанный Филипп де Грасьен в прошлую их встречу, сочтя, что им пренебрегают. Представив, как раздосадован будет Филипп в этот раз, когда узнает, что он предпочёл его дому – дом Северака, Мориньер написал другу записку. Отправил с ней Бертена.

Говоря откровенно, Мориньеру было совершенно безразлично, где ночевать. Но держать документы он предпочитал в тех местах, где мог быть уверен в их абсолютной сохранности. Присутствие Сирен в доме Филиппа лишало его этой уверенности.

Поэтому он оставил все бумаги у Северака – это было тем более логично, что через пару-тройку месяцев, когда, как они оба планировали, Северак отправится во Францию, Мориньер рассчитывал оформить этот дом на своё имя. Однако он не собирался игнорировать друга. И в посланной тому записке обещал составить ему компанию за ужином следующего дня. Зная о склонности Филиппа к ночным беседам, Мориньер не исключал и возможности остаться у Филиппа де Грасьен до утра. Оттого он только едва заметно кивнул, прочтя в ответной записке, что к его приходу комната будет готова.

Это вполне его устраивало.

*

Рассказывая Мориньеру о произошедших за время его отсутствия в городе событиях и роли, которую играл в них новый военный губернатор, Филипп практически слово в слово повторил то, что говорил Северак.

Но Мориньер не прерывал его. И в этом случае совсем не из опасения огорчить приятеля. Он просто понимал, что, только выслушав всю историю целиком, такой, какой видит её Филипп, он, Мориньер, может обнаружить то новое, чего не знал или о чём забыл рассказать Северак.

Поэтому, расположившись у камина в гостиной Филиппа де Грасьен, он терпеливо слушал рассуждения Филиппа о взаимоотношениях оттава с могавками, потом выслушал характеристику Клоду де Жерве, которая, к слову сказать, мало чем отличалась от характеристики, данной тому Севераком.

Потом Филипп поинтересовался, как надолго прибыл в Квебек Мориньер, и огорчился, узнав, что уже на следующий день тот планирует город покинуть.

*

Мориньер рассчитывал уложиться в пару-тройку недель. Он собирался посетить несколько индейских деревень, в которых миссионерствовали его друзья-иезуиты. Те обещали приготовить для него к весне подробные отчёты о своей деятельности. Кроме этого он планировал отыскать, если получится, «старика Леру». Успешность этого, последнего, замысла вызвала у Мориньера большие сомнения. Накануне он внимательнейшим образом изучил карту, проложил маршрут, отрисовал план, который намеревался взять с собой. Но он понимал, что правильный расчёт и упорство в достижении цели – далеко не всё, что потребуется ему в этом случае. В первую очередь ему понадобится удача.

– Правильно ли я понимаю, что предлагать вам помощь – бессмысленно? – вздохнув, спросил Филипп.

Мориньер улыбнулся:

– Боюсь, что да. Ваше присутствие в городе сейчас гораздо важнее. Вы же имеете некоторое влияние на нынешнего военного губернатора. Проследите, чтобы он не совершил пока никаких глупостей.

– Мелкие глупости он совершает постоянно. А для крупных – ещё не пришло время, – пожал плечами Филипп. – Но я прослежу, да.

*

Было бы несправедливо утверждать, что Клод де Жерве, избранный пару лет назад на Большом Совете взамен прежнего военного губернатора, в действительности был глуп. Скорее, он был непомерно тщеславен и одновременно с этим катастрофически не уверен в себе. Оттого говорил он всегда чуть напористее, чем это было нужно, на критику реагировал крайне болезненно. А действия, которые он предпринимал, в подавляющем большинстве случаев были чрезмерны.

При этом, умело играя словами, он ухитрялся находить немало сторонников среди горожан, которым нравились пылкие его речи, возвышающие их, французов, над всеми прочими нациями, проживающими на землях Новой Франции. Ах, как приятно было слушать о том, что всё, что лежит округ: земля, вода, воздух, – всё принадлежит им! Надо только иметь смелость это всё взять. А разве им недостаёт смелости? Разве они слабы?

Даже барон д'Авогур, человек гораздо более спокойный и уравновешенный, временами проникался этой пылкостью. Что уж говорить о солдатах! Как могли они не приветствовать утверждения, что храбрее и доблестнее их нет воинов на этой земле! Конечно, они восторженно кричали «ура!»

И, конечно, готовы были идти туда, куда прикажет военный губернатор! Ведь они в самом деле воины! Храбрые воины! Великие воины!

Филипп де Грасьен одобрял бы такой энтузиазм, если бы не видел, на чём он основывается и из чего произрастает. Мориньер же, слушая теперь Филиппа, который делился с ним наблюдениями, думал о том, что ситуацию эту нужно выправлять и как можно быстрее.

*

Сразу после ужина в доме Филиппа де Грасьен Мориньер поднялся в приготовленную для него комнату.

Филипп отправился следом за ним. Постучал в дверь уже спустя несколько минут после того, как Мориньер сел в придвинутое к камину кресло, вытянул ноги к огню. Услышав голос Жосслена, приглашающего его войти, Филипп заскочил в комнату и плотно прикрыл за собой дверь:

– Ну, – сказал со смешком. – Можете сказать теперь то, что весь вечер просилось вам на язык.

– О, нет, дорогой мой, – улыбнулся Мориньер. – Избавьте меня от необходимости комментировать.

– Отчего это?

– Мне нечего сказать.

Филипп пожал плечами.

– А мне кажется...

– Вы преувеличиваете вашу проницательность, – прервал его Мориньер мягко.

Когда в дверь снова постучали, и Антуан внёс в комнату поднос с закусками и вином, Мориньер засмеялся:

– Неужели, Филипп, вы не наелись за ужином?

– Разве это можно было считать ужином? Перестаньте! – отмахнулся Филипп де Гра-сьен. – Я чуть не умер от тоски.

*

Вечерняя трапеза в самом деле неожиданно оказалась мероприятием весьма напряжённым.

Блюда, подаваемые на стол, были великолепны. Но Сирен, которая сидела на месте хозяйки дома, чувствовала себя очень скованно, чем поначалу весьма удивила Филиппа, успевшего привыкнуть к её ежевечерней легкомысленной болтовне, и позабавила Мориньера. Последний, надо сказать, не делал ничего ровным счётом ни для того, чтобы смутить её, ни для того, чтобы вывести из этого неподходящего состояния.

Мориньер говорил в основном с Филиппом. Слушал городские сплетни, сам рассказывал всякие безделицы. Время от времени из вежливости обращался к Сирен. Та с каждым адресованным ей вопросом всё больше каменела, мямлила что-то в ответ. Не отрывала взгляда от тарелки. Наконец, едва закончив есть, поднялась. Сославшись на головную боль, ушла к себе.

Именно тогда, заметив, как нахмурился Филипп, Мориньер и решил отправиться в свою комнату – дать возможность другу, если тот сочтёт нужным, последовать за своей любовницей.

Между тем Филиппу это и в голову не пришло. Как можно, в самом деле, ставить на одну доску общение с другом и женщину? Любую из женщин! Тем более – эту! Если бы кто-нибудь рассказал ему о том, что именно заставило Мориньера так скоро покинуть гостиную, он бы не поверил.

Он отдал необходимые распоряжения слугам и поднялся следом в надежде продлить вечер, сделать его таким, каким он хотел бы его видеть.

– Вы ведь не откажетесь выпить со мной ещё вина, но без этого удушающего чувства неловкости, в которое погрузила нас сегодня эта глупая кукла?

– Не откажусь.

Мориньер кивнул Антуану, снова появившемуся в комнате. На этот раз тот внёс и положил на постель небольшой свёрток. Поклонился. Молча вышел.

– Что там такое? – вытянул шею Филипп.

– Я просил Бертена передать мне вещи, которые понадобятся завтра.

Мориньер подошёл к постели. Развернул свёрток. Встряхнув хорошенько, разложил принесённую Бертенем одежду на покрывале.

– Нет, Жоссен! – воскликнул Филипп недовольно.

Поднялся даже, подошёл ближе.

– Неужели вы завтра опять собираетесь надевать этот балахон?

Мориньер обернулся.

– Я говорил вам: мне предстоит встреча с индейцами. А сутана в этих случаях значительно облегчает общение.

Улыбнувшись, добавил:

– Скажем, она придаёт образу определённости.

– Да, но как вы собираетесь в ней путешествовать по лесам? Эта юбка до пят – она, должно быть, цепляется за каждый куст. И потом... насколько я теперь знаю, в прошлый раз эта одежда едва не погубила вас?

Филипп произнёс это с едва заметной горечью – вспомнил, что и об этом испытании, так дорого обошедшемся его другу, он узнал случайно.

Мориньер, заметив тень, скользнувшую по лицу Филиппа, покачал головой, положил руку ему на плечо:

– Уверяю вас, друг мой, вы ошибаетесь. Она спасла мне жизнь. Только величайшая ненависть к Чёрным Платьям заставила могавков тащить нас через лес в деревню, чтобы проверить глубину нашей с отцом Менардом веры. Будь я в иной одежде, я представлял бы для них тот же интерес, что и любой другой живой француз. То есть ровным счётом никакого.

*

Пока Сирен вынуждена была сидеть за столом, Филипп наблюдал за ней с недоумением. И с каждым бокалом вина всё больше раздражался. Неспособность его женщины вести беседу выводила Филиппа из себя. Очевидная снисходительность Мориньера приводила ещё в большее неистовство. Он, впрочем, понимал, что злиться ему следует более всего на себя, потому что именно он – а кто же ещё? – создал эту ситуацию. Он выбрал эту женщину. Он поставил её перед необходимостью играть не подходящую ей роль. Он, в сущности, был ответственен за то, что вечер оказался не таким, как ему хотелось.

«Если бы только этот вечер...» – подумал грустно.

*

Филипп разлил по бокалам вино, подал один Мориньеру. Улыбнулся беззаботно:

– Откровенно говоря, я всё жду, когда вы спросите меня, какого чёрта я все ещё держу у себя в доме эту женщину.

– Это не моё дело, – пожал Мориньер плечами.

Принял бокал, пригубил его. Посмотрел на Филиппа де Грасьен.

Настроение Филиппа ему не нравилось. Весь вечер тот просидел мрачнее тучи. Теперь же всё в нём: улыбка, жесты, слова – были преувеличенно легкомысленны.

А Филипп между тем говорил без умолку – о Квебеке и о Париже, о любви и политике. И о женщинах.

Он вспоминал и мечтал, восторгался и обличал. Скоро Мориньер знал имена всех самых хорошеньких женщин в Квебеке, знал все подробности их жизни, все известные Филиппу достоинства их и недостатки, оказался осведомлён обо всех проблемах, которые могли поджидать его, соберись он поухаживать за любой из этих женщин.

Уже опустел кувшин, в котором Антуан принёс вино, когда Филипп, наконец, заметил, что Мориньер давно только слушает его и ничего не говорит.

– Я утомил вас своими разговорами?

Мориньер ответил спокойно:

– Я с удовольствием слушаю вас.

– Но теперь я хотел бы услышать от вас какую-нибудь историю. Что-нибудь пикантное, – он даже наклонился вперёд, проявляя необычайный интерес. – Неужели вам нечего вспомнить?

– Боюсь, что нет, – развёл руками Мориньер.

Глаза Филиппа горели:

– Этого не может быть! Я-то знаю, что вы, при всей вашей внешней сдержанности, всё-таки не монах. И слава Богу! Иначе вы были бы скучны. Кстати, вы ведь заметили, какое впечатление произвели сегодня на Сирен? Она... проглотила... язык!

Он для убедительности сделал в последней фразе между словами огромные паузы. Продолжил сразу после, махнув рукой:

– А между тем, знали бы вы, что это за сорока! В иные дни её невозможно заставить замолчать. Особенно раздражающе действует её болтовня во время обеда.

– Если верить вам, – усмехнулся Мориньер, – вы довольно часто остаётесь голодным. В обычное время вам мешают разговоры, сегодня вас лишило аппетита молчание. Вам трудно угодить, мой дорогой.

Он говорил негромко, с лёгкой улыбкой, за которой, между тем, таилась настороженность. Если бы Филипп был внимателен, он заметил бы её. Но винные пары кружили ему голову. Он наконец чувствовал себя свободно – именно так, как ему хотелось. Ему не досаждала Сирен. Рядом с ним был его друг. Он никому и ничего сейчас не был должен. И он мог говорить всё, что придёт ему на ум. Это необычное, так редко в последнее время посещавшее его чувство абсолютной непринуждённости сыграло-таки с ним дурную шутку.

Он взглянул на Мориньера, испытал вдруг к нему прилив непереносимой братской любви – такой, что требовала немедленного, сиюминутного признания. Залюбовался им. Заговорил горячо:

– Знаете, Жосс, меня очень удивляет... и огорчает, что вы после смерти вашей Камиллы так снова и не женились! Сколько женщин желало бы этого! Сколько из них готовы были бы отдать вам всё, что у них есть, ради того только, чтобы быть рядом с вами!

Мориньер замер на мгновение. Потом взглянул на Филиппа, скрывая усмешку.

– Благодарю вас, друг мой, – ответил. – Я очень тронут вашей заботой.

Заметив, что слишком сильно сжимает бокал с вином, Мориньер наклонился, поставил его аккуратно на пол, у самых ног. Посмотрел на Филиппа, чьё неочевидное опьянение выдавала эта вот пылкая, неосторожная речь и ребячливая улыбка, блуждающая на губах.

Филипп между тем продолжал говорить:

– Мне так хочется видеть вас счастливым! А они... она... одна из них – реши вы жениться... могла бы если не сделать вас окончательно счастливым, то хотя бы просто согреть вас своей любовью! Так почему вы не женитесь, Жосс? Вы ведь не так уж любили вашу жену! Да и сколько уж лет минуло... семь? восемь?

– Девять, – спокойно ответил Мориньер. – Но я счастлив, дорогой мой. Абсолютно счастлив. Так что, прошу вас, будьте на этот счёт совершенно спокойны.

Глава 12. Беда

Она больше ничем не могла ему помочь!

Клементина говорила себе это изо дня в день, по многу раз на дню. С той самой минуты, как Леру умер, она не находила себе места. Пыталась убедить себя, что сделала всё, что было в её силах, чтобы спасти его.

Бог знает сколько времени она не отходила от его ложа. Поила отварами, чтобы облегчить кашель. Накладывала компрессы на его обмороженные ноги. Всё было напрасно. Она видела, что ему становится хуже. Но продолжала и продолжала возиться с примочками и всякими снадобьями – просто потому, что не могла признать свою беспомощность.

Клементина теперь вспоминала тот день, – первый из последующей череды чудовищных дней – как начало их всеобщего конца.

Она надеялась ещё, что всё образуется. Дотасив Леру до ложа, взялась раздевать его. Пыталась стянуть с него сапоги. Он, придя в себя, рычал, отталкивал её, ругался. Тогда – Клементина потом не могла этого забыть – она тоже повысила на него голос. Да что там – повысила. Она орала так, что Леру смолк поражённый. Потом засмеялся, захохотал, зашёлся в кашле.

– Ты все зверьё в лесу перепугала! – проговорил, успокоившись.

А ей совсем не было смешно. Она была в ужасе. И когда он позволил ей, наконец, заняться его ногами, она едва не разрыдалась – те были совершенно белые, с едва заметными мраморными разводами. Клементина пыталась согреть их – обнимала ладонями, отогревала смоченной в тёплой воде тканью.

Леру гнал её от себя.

Пока ноги отходили, с трудом сдерживал крик. Рычал, стонал. Требовал вина, водки.

– Дай что-нибудь выпить!

Клементина подала ему отвар из коры вяза, он отшвырнул котелок от себя – ну не эту же дрянь!

– Уйди! Бога ради, уйди! – кричал. – И заberi ребёнка!

Она прижимала к себе Вик. Смотрела на него – ни помочь не могла, ни утешить.

Потом он успокоился как будто, ей показалось – заснул.

Через какое-то время подскочил на ложе:

– Займись мясом. Надо коптить. Вялить. Надо есть. Тебе и девочке надо есть.

Она не сразу поняла, что он бредит.

*

Следующие дни Клементина теперь помнила плохо. Почти совсем не помнила. Они протекали незаметно – она не спала толком. Путала день с ночью. Случалось, засыпала рядом с Вик – ненадолго. Спала неглубоко. Стоило застонать Леру, поднималась. Садилась возле, обтирала влажным лицо, поила.

Он горел. Почти бесконечно что-то невнятно шептал. Иногда подскакивал на постели, бессмысленно таращил глаза.

Когда Леру приходил в себя, Клементина пыталась его накормить. Поила бульоном, нарезала мелкими кусками мяса. Бульоны он пил. От мяса отворачивался:

– Не могу. Потом.

Она кормила Вик. Сама ела с каждым днём все меньше – не было ни сил, ни аппетита. От мяса, тушенного без соли, без бобов, без овощей её мучило.

Временами Клементина выходила наружу – собирала сосновые иглы. Приносила домой.

Жевала их – терпкая кислота доставляла ей удовольствие, как будто немного приводила в чувство. Для Вик и Леру она готовила из игл отвар. Почти насильно вливала его в ребёнка и мужчину. Они отказывались пить. Она настаивала, заставляла.

Жар и кашель продолжали терзать Леру. Большую часть дня он находился в забытии. Приходил в себя ненадолго. Открывал глаза. Приподнимался на локтях, иногда садился. Клементина, глядя на него, пугалась – таким покладистым и тихим был он в эти короткие промежутки прояснённого сознания.

В одно из своих «возвращений» он посмотрел на неё с такой нежностью, что Клементина не удержалась: опустилась на колени у его ложа, разрыдалась, уткнувшись носом ему в грудь. Он положил ей руку на спину.

– Ну-ну, – сказал тихо. – Брось. Не реви. Зато я принёс еды. Не так много, как собирался. Но я схожу ещё. Я оставил мешок на дереве. Не очень далеко. Вот отлежусь немного. Дай мне только отлежаться.

Она подняла к нему лицо. Он улыбнулся.

– Ты вот лучше займись тем мясом, что я принёс. Ты ведь не позволишь ему испортиться? Клементина замотала головой – не позволю.

Она, действительно, делала всё, что могла. Нарезала мясо на длинные полосы, коптила его над очагом. Потом складывала готовые ломти в большую, почерневшую от влаги и времени корзину, стоявшую в углу. Остальное мясо, уложенное в холщовый мешок, лежало под снегом у самого порога. Клементина доставала оттуда кусок за куском. И каждый день занималась одним и тем же – коптила, варила, кормила девочку и мужчину.

*

Вик сильно изменилась за эти последние недели. Совсем исхудала, перестала подниматься на ножки.

Почти всё время девочка проводила у ложа Леру. Подползала к изголовью, усаживалась. Смотрела распахнутыми глазёнками на то, как возилась у очага мать. Не плакала, не болтала невесть что, как прежде. Смотрела молча. Серьёзно. По-взрослому.

Не будь Клементина уже напугана до смерти, она испугалась бы этих перемен. Но никакой страх не мог быть больше того, что уже заполнил её всю.

*

Однажды Леру подозвал её к себе. Приказал подать силки. Клементина хотела воспротивиться. Но он выглядел таким слабым!

Она принесла то, что просил. Он усадил её рядом.

– Я покажу тебе, как их ставить, – сказал спокойно. – Тебе пригодится.

Она заметалась, замотала головой, задрожала губами. Он смотрел на неё устало:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.